

ВАДИМ ПАНОВ

ПРОДАВЦЫ
НЕВОЗМОЖНОГО



· АНКЛАВЫ ·

Анклавы

Вадим Панов

Продавцы невозможного

«Автор»

«ЭКСМО»

2009

Панов В. Ю.

Продавцы невозможного / В. Ю. Панов — «Автор», «Эксмо»,
2009 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-38695-6

Может быть, давно предсказанный Апокалипсис уже наступил? Казавшиеся спасением от всеобщего хаоса Анклавы не справляются с распадом общества. Эпоха Цифры вместо свободы несет вымирание от страшного наркотика. Улицы городов залиты кровью враждующих мафиози. Китай, Европейский Исламский Союз и страны Католического Вуду не способны отыскать выход из тупика, в котором очутился мир. А между тем на севере России возводится неприступная Станция. Здесь будет вырабатываться принципиально новая энергия – надежда человечества. У этой надежды есть только один недостаток: власть над миром, которую она обещает, не делится. И поэтому к решающей битве готовятся все – Анклавы, государства, террористы и, конечно же, adeпты древних Традиций... (Подробности о цикле «Анклавы» – на www.anclaves.ru.)

ISBN 978-5-699-38695-6

© Панов В. Ю., 2009

© Автор, 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вадим Панов

Продавцы невозможного

*Лишь почитая богов
И храмы побежденных,
Спасутся победители.
Эсхил. «Агамемнон»*

Пролог

Анклава: Москва

Территория: Сити

Можешь делать – делай

Если смотреть с Болота¹, например, с последнего уровня кольца, то первым бросается в глаза именно «Угольный Шпиль» – тонкий, без особых изысков небоскреб, по самую макушку облицованный черным стеклом. Двадцать лет уже бросается, исполняя роль пограничного столба Сити и раздражая эстетов непрезентабельной внешностью. Не шпиль, даже, а заурядная линейка, непонятно для чего воткнутая рядом с «Подсолнухом», «Дядей Степой», «Пирамидомом» и прочими красавцами делового сердца Москвы. А если забраться на эту «линейку» и посмотреть на север, то, кроме Болота, можно разглядеть пылящую производствами Колыму и даже Мутабор. Последний, разумеется, только в ясную погоду, но тем не менее – можно. С вершины «Угольного Шпиля» открывался превосходный вид на Анклава, на беспорядочный хаос центра, безыскусные прямоугольники промышленной зоны и аккуратные крыши самой загадочной московской территории. Вид, не считающийся «открыточным» – в отличие от панорамы Сити, – зато честный, без элегантного корпоративного гламура.

Однако люди, что появились на крыше «Уголька», плевать хотели на замечательный вид, они смотрели совсем в другую сторону, на лабиринт делового центра, и кричали друг другу – из-за дикого ветра разговаривать иначе не получалось.

– Патриция! Самый сложный участок – за «Степой»! Там небоскребы в ряд, получается труба...

– Твою мать, Кимура, я знаю!

Одетая в тщательно пригнанный комбинезон из карбошелка, Патриция справлялась с походом по крыше лучше спутника: ветер не рвал штаны, не надувал пузырем куртку, предательски забираясь под короткие полы. Очки позволяли спокойно смотреть, но вот дышалось с трудом, и еще больших усилий требовал разговор.

– Я хотел помочь!

– Заткнись!

Цепляясь за установленные на крыше поручни, Кимура и Патриция медленно двинулись к краю, а в дверях появились две другие фигуры. Еще один парень и еще одна девушка, بلا-горазумно решившие не покидать укрытие.

– Ты идиот! – в очередной раз повторила Матильда. – Ты же знал, что Пэт заведется!

– Я пытался ее остановить!

– Заткнись!

¹ Болото (сленг.) – название одной из территорий Анклава Москва. Значения других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. ред.)

Разные женщины и такие одинаковые...

Рус понимал, что виноват, а потому не злился на Матильду – ругалась подруга по делу. Сидели в мастерской, пили пиво, трепались о самолетах, благо тут же, в ангаре, стоял распотрошенный под полное переоснащение спортивный «Воробей». Потом о прыжках заговорили, тут Рус и ляпнул, что Патриция не дотянет до Царского Села, и не замолчал, когда брови девушки удивленно поползли вверх. Теперь расклад простой: с «Уголька» до Царского Села, Сити насквозь. Цена вопроса – пять юаней. В качестве бонуса – злобное шипение любимой женщины.

– Если с Пэт что-нибудь случится, я тебя убью!

«Знаю, знаю...»

И отвернулся, делая вид, что больше всего на свете интересуется действиями Кимуры, который возился с натянутой по периметру крыши металлической сеткой. Но тут же услышал (и снова не в первый раз!) вопрос:

– Ты позвонил?

– Позвонил.

– И что? Где они?

– Позвонить еще раз? – огрызнулся парень.

– Ты...

Кимура, несмотря на сумасшедшие порывы ветра, все-таки справился с сеткой и сразу же ушел влево, подальше от пропасти, на край которой ступила Патриция.

– Поздно! – простонала Матильда. – Звони!

– Теперь уже точно поздно.

Под ногами Патриции – двести метров прямой дороги вниз, к закатанной в асфальт земле, но короткий путь не привлекает. И не пугает. Девушка устремлена не вниз, а вперед. Высота не страшна, высота – лишь физическая величина, позволяющая взять хороший старт.

Пэт задержалась на краю не от страха, а оценивая силу и направление ветра. Порыв, еще один, еще... Предсказать их невероятно сложно, но нужно, потому что Пэт собирается не просто прыгнуть, ее цель – влиться в поток, оседлать гуляющий меж небоскребов ветер, а потому девушка выжидала. И бросилась вперед, почувствовав – не поняв, а именно почувствовав, – что время пришло.

Черная фигура исчезла с края крыши.

– Какого черта нас не арестовали? – простонала Матильда. – Рус, я тебя убью!

Главный кабинет «Пирамидома» находился на самом верху штаб-квартиры московского филиала СБА и представлял собой маленькую пирамиду, вид изнутри: четыре наклонных стены и окна во все стороны. Странное, но своеобразное помещение.

Хозяином главного кабинета был человек, которого все звали Мертвым. За спиной, естественно, звали, вполголоса, но тем не менее – все. А он, в свою очередь, внешне совсем не производил впечатление самого страшного человека Москвы – невысокий, щуплый, с редкими, мышиного цвета волосами и невыразительным лицом: тонкие губы, крючковатый нос, впалые щеки... Самой запоминающейся частью лица были глаза – внимательные, умные, голубые и очень холодные. Но они только подчеркивали общую невыразительность, за которую, вполне возможно, хозяина кабинета и наградили его кличкой. Ничего опасного в облике, ничего беспощадного.

И еще он не часто бывал резок, а потому, когда в кабинет без доклада вошел худощавый молодой мужчина в элегантном, но несколько старомодном костюме-тройке, Мертвый лишь поднял голову – он работал с бумагами – и холодно осведомился:

– Да? – Но в этом коротком, негромко прозвучавшем вопросе читалось куда больше смыслов, чем в иной длинной фразе.

Однако на пришельца откровенное неудовольствие хозяина кабинета не произвело особого впечатления. Он невозмутимо поправил квадратные очки и тоже негромко, в тон Мертвому, произнес:

– Безы получили анонимное сообщение о том, что группа хулиганов планирует использовать «Уголек» в качестве парашютной вышки.

Хозяин кабинета-пирамиды – директор московского филиала СБА. Очкарик – Мишенька Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора. Два высших офицера СБА, по сути – два главных в Москве человека, и сообщение о хулиганах – это последнее, о чем им должны докладывать. В голубых глазах Мертвого загорелись веселые огоньки.

– Это основное сегодняшнее событие?

– Безы хотели арестовать хулиганов, но увидели, что их возглавляет Патриция, и не стали спешить.

Безы московского филиала СБА выдрессированы лучше цирковых собачек, к людям из VIP-списка просто так не лезли.

– Понятно. – Мертвый вздохнул и принялся поправлять тонкие черные перчатки, всегда закрывающие кисти его рук. Документы, судя по всему, перестали заботить главного московского беза. – Высота «Уголька»?

– Двести тридцать четыре метра.

– Хорошо.

В переводе на человеческий: «Достаточно, чтобы парашют раскрылся. Девочке ничего не угрожает». Согласный с этим выводом Мишенька тем не менее не преминул заметить:

– Опасный трюк.

– Она знает.

Короткое замечание прозвучало приказом. Щеглов снова поправил очки, после чего изложил план действий:

– Встретим Патрицию в точке приземления, отругаем и отпустим. В новостях напишем, что нарушитель приговорен к штрафу. Никаких имен.

– И проследи, чтобы на ее пути не оказалось вертолетов.

– Никаких вертолетов. – Мишенька улыбнулся. – Я уже распорядился. Полеты над всем Сити прекращены, кто знает, куда занесет нашу девочку?

«Альбатрос» – лучший в мире планирующий парашют – бросает тень на глухие окна небоскребов. Издевается, демонстрируя, что высота придумана для полета и офисам под облаками делать нечего. Дразнит. Манит. Поет гимн свободе и... отчаянной, балансирующей на грани безумия храбрости. Тень «Альбатроса» скользит по лицам подбежавших к окнам людей и говорит: «Вы никогда не повторите трюк, но, черт возьми, смотрите – это возможно!» И некоторые слышат.

Одни смеются и тычут пальцами. Другие называют парашютиста хулиганом. Прикидывают, останется ли он жив? Подсчитывают размер штрафа, который наложат на него безы. Сообщают о происшествии в СБА и новостные каналы, ругаются, что не успели вовремя: полет уже показывают в прямом эфире... Но некоторые, некоторые слышат гимн, что парашютист поет свободе и... отчаянной, балансирующей на грани безумия храбрости.

Некоторые говорят себе: «Я хочу так же!»

И парашютист их слышит.

Тот самый парашютист, что прыгает с одного потока на другой, держит высоту и рвется вперед. Тот самый парашютист, что уверенно закладывает виражи, следуя вдоль улиц, но высоко, очень высоко над мостовыми. Девушка, сосредоточенная на управлении «Альбатро-

сом», слышит произнесенные вслух фразы: «Я хочу так же!», и вдруг понимает, что не уязвленное самолюбие стало причиной полета.

Тень «Альбатроса» напоминает, что мы все еще люди.

А человек, которого все зовут Мертвый, уподобляется зевакам. Он стоит у окна и смотрит на парашютиста до тех пор, пока тот не скрывается за соседним небоскребом. Но не уходит, продолжает стоять, словно надеясь, что отчаянный вернется, вновь пролетит мимо «Пирамида» и еще раз бросит тень на окно. Человеку, которого все зовут Мертвый, не с кем обсудить увиденное, поэтому он просто стоит, молчит и улыбается.

Глава 1

Анклав: Марсель

Территория: 7-й район

Большая комната без окон

Часто бывает так, что лишь демонстрация силы позволяет точно выразить свою позицию по тому или иному вопросу

– Ты – легенда! – жарко произнес Восемьдесят Три.

«Я знаю...»

– Люди прислушиваются к тебе, – поведал Шестьдесят Девять. – Разные люди с разных континентов.

«Это называется уважением».

– Тебя любят во всем мире, – поддержал коллег Тринадцать.

Льстивые слова с неестественным грохотом отскакивали от высокого потолка конференц-зала, от гладких стен недоразвитого голубого цвета, от прилепленного на высоте человеческого роста коммуникатора. Отскакивали и ядовитыми шариками летели в сидящего во главе стола мужчину.

– Ты – воплощение неукротимого духа Поэтессы, воплощение нового мира...

– Черт побери, Сорок Два, ты и есть новый мир!

Последнюю реплику, «не сдержавшись», бросил Двадцать Пять. Вежливый и хитрый китаец, обычно – самый молчаливый из лидеров dd.

«Кажется, ребята, я вас здорово достал!»

Сорок Два пристроился на краешке удобнейшего кресла, разработанного самыми дорогими дизайнерскими головами планеты для самых дорогих задниц планеты: массаж, подогрев, любая форма, настоящая кожа, настоящее, нейрошланг ему в корни, дерево и хромированные железяки наилучшей пробы. Возможно, если нажать кнопку, кресло сварит кофе или споет колыбельную. Возможно, кресло умеет что-то еще, но Сорок Два плевать хотел на работающую мебель. Он сидел на краешке, прижимаясь грудью к столу и сложив перед собой руки. Голова опущена. Взгляд упирается в пальцы. Удобная поза для отталкивания ядовитых шариков проникновенных слов.

– Двадцать Пять правильно сказал: Сорок Два и есть новый мир! Он сотворил настоящее чудо!

«Это наука, придурок, просто наука! Я не занимаюсь чудесами».

А еще Сорок Два совсем не походил на сытого и важного верхолаза, для задницы которого разрабатывалось великолепное кресло. Непримечательный, усталый на вид мужчина лет сорока, одетый в дешевую синтетическую рубашку, мятые штаны и грубые армейские ботинки. Голова гладко выбрита. Заурядное лицо лавочника или мелкого служащего, обремененного детьми и кредитами. Мешки под усталыми, слегка воспаленными глазами. Бледная кожа. На вид – типичный неудачник.

– Ты – наше знамя.

«Не знамя, а щит! За мной вы прячетесь, когда вас называют так, как должны».

– Я пересек половину Земли, чтобы увидеть тебя.

– Братья, давайте не будем хвастаться стоимостью билетов, – предложил Тринадцать. – Сорок Два прекрасно осведомлен, откуда прибыл каждый из нас.

Последняя реплика прозвучала полухитливо. Но именно – полу-. Доля раздражения, хорошо различимого в голосе Тринадцать, отразила настроение всех метателей ядовитых шариков: выбранная Сорок Два манера поведения сбивала с толку. Лидеры всемирной орга-

низации наемников ждали, что «их знамя» хоть как-то отреагирует на лесть, были уверены, что слова не пропадут, что заполнят липкой гадостью душу, однако Сорок Два отмалчивался.

«Мучайтесь, нейрошланги вам в задницу, мучайтесь!»

– Надеюсь, ты понимаешь, для чего мы собрались? – деликатно поинтересовался Двадцать Пять. Вежливый китаец руководил дальнеазиатским кустом dd, объединяющим Китай, Юго-Восточную Азию, Австралию с Новой Зеландией, и считался самым осторожным лидером сообщества.

– С удовольствием послушаю, – не поднимая головы, ответил Сорок Два. – Мне же просто приятно вас видеть.

Это были первые слова, произнесенные им с начала встречи.

– Необходимо обсудить твою тактику, – хмуро произнес контролирующий европейский куст Шестидесят Девять. – Она кажется непродуманной.

Резкая смена тональности, от цветастой лести к мрачной деловитости, на Сорок Два не подействовала – он просчитал все варианты развития разговора.

– Твои действия опасны, – грубовато уточнил представляющий Северную Америку Тринадцать.

– Много вреда, – кивнул Пятьдесят Семь, в зоне ответственности которого находились Индия и Средняя Азия.

– Много шума, – добавил Девяносто Один, куратор Ближнего Востока и Африки.

– Ненужного шума, – пояснил Тринадцать. – В результате к нам проявляют гораздо больше внимания, чем хотелось бы. Трудно договариваться с нужными людьми. Страдает дело.

«Какие обтекаемые фразы!»

– Бизнес, – поправил американца Сорок Два. – Страдает бизнес.

Он оторвал взгляд от пальцев и медленно, задерживаясь на каждом лице, оглядел собеседников. Никто не отвернулся. Никто не отвел взгляд. Лидеры dd смотрели на Сорок Два уверенно и спокойно. Они считали себя правыми.

«Да как же так, братья? Мы ведь вместе начинали!»

– Хорошо, – согласился Тринадцать. – Называй это бизнесом. Хотя я не понимаю разницы.

– Хвост вертит собакой, – едва слышно объяснил Сорок Два, вновь опуская голову. – Вот в чем разница.

– Нет, – не согласился Двадцать Пять. – Просто собака попробовала мясо, и оно ей понравилось.

– Получается, вы и есть знаменитые подруги Сорок Два? – поинтересовался Фрэнк Дьюки, пристально изучая девушек.

– Ага, – невозмутимо ответила Ева Пума.

– Они самые, – подтвердила Красная Роза, не открывая глаз.

Рыжая девушка утонула в большом кресле и, казалось, спала, однако указательный палец ее правой руки елозил по подлокотнику, терзая вживленную в подушечку «мышку» – Красная пребывала в сети. А вот Пума была не прочь побеседовать.

– Нравимся? – И кашлянула, вежливо прикрыв рот тонкими пальчиками с идеально ухоженными ногтями.

Дьюки хмыкнул:

– Типа того.

В Марсель руководители dd явились в сопровождении многочисленных помощников, телохранителей и секретарей. Некоторые прихватили даже личных поваров – все они не так давно были нищими машинистами, но ведь к роскоши быстро привыкаешь? Однако непосредственно на встречу руководители сообщества договорились взять не более двух сопровож-

дающих, поэтому в большой комнате, вплотную примыкающей к конференц-залу, коротало время четырнадцать человек: двенадцать мужчин и две женщины. Травили анекдоты, лениво обсуждали новости, пили кофе, периодически выдавливая пластиковые стаканчики с черным из примостившегося в углу пузатого автомата. Оружие на вид не выставляли, все-таки все свои, – однако «дыроделы» нет-нет да мелькали из-под полы пиджака или задравшейся ветровки, напоминая, что ребята на службе.

– Вы не выглядите опасными, – заметил Фрэнк, откровенно разглядывая длинные ноги Евы. – Скорее сексуальными.

Прислушивающиеся к разговору качки весело переглянулись.

– Мы с Красной много чего умеем, – спокойно ответила Пума. – Можем трахаться, а можем и трахать. По обстоятельствам.

– Всегда на пару работаете?

– Частенько.

– Нам покажете?

– Мы не по вызову, парень. – На губах Евы заиграла легкая улыбка. – Обслуживаем только владельцев сезонных абонементов.

– И сколько их?

– Один.

– Не скучно?

– Нам хватает.

Фрэнк держался, не переходил грань, отделяющую неприятные уколы от прямого оскорбления, но и не отдалялся от нее. Готовит скандал или демонстрирует дурной характер?

– Не хочешь поискать кого-нибудь получше?

– Времени жалко. – Пума подалась вперед, снова кашлянула и едва слышно прошептала: – Не обломится, Дьюки, даже не рассчитывай.

От нее пахло «Сладким миражом» – восемьсот пятьдесят динаров за двадцать пять миллиграммов, – духами, которыми баловались только жены верхолазов.

– Не нравлюсь?

– Не заводишь.

Красная усмехнулась. И вновь – не открывая глаз. Все ее внимание было сосредоточено на работе в сети.

Здание, в котором совещались лидеры dd, прикрывали отличные машинисты, работающие на отличном «железе». Они контролировали все входы и выходы, управляли каждой лампочкой и розеткой, всей аппаратурой, включая грузики для раздвигания штор. Они видели все помещения (за исключением конференц-зала), однако не разглядели несколько программ, которые Красная отправила во внутреннюю сеть дома. Программ, написанных настоящим гением.

– Тебя называют террористом!

– Я беру только то, что мне нужно!

– Все, что тебе нужно, ты должен брать у нас!

– Вы отрезали меня от ресурсов!

– Слишком много смертей, брат!

– И много полиции на хвосте?

– Да, слишком много.

– Мешает бизнесу?

– Из-за тебя нейкистов считают убийцами!

– А из-за вас – бандитами!

– Тебе придется ответить.

– Я пришел не на суд!

– Ты пришел, потому что мы потребовали!

Ядовитые шарики не поразили Сорок Два, зато отравили атмосферу. От благодушного настроения, которое лидеры dd изображали в начале совещания, не осталось и следа. Сорок Два стоит, опираясь руками о стол, напротив – взъерошенный Тринадцать, красный и потный. Шестидесят Девять на стороне американца, застыл рядом и яростно таращится на неуступчивого Сорок Два. Восемьдесят Три и Двадцать Пять вяло пытаются вернуть разговор в конструктивное русло, но получается не очень. Девяносто Один нервно расхаживает за спинами ругающихся коллег. Спокойствие сохраняет лишь Пятьдесят Семь: сидит в кресле, едва заметно постукивая пальцами по столешнице, то ли не знает, чью сторону принять, то ли наоборот: все давно решил и не хочет тратить время на бессмысленные вопли.

– Мы не хотим никого обвинять, – примирительно произнес Двадцать Пять, мягко оттирая взбешенного Тринадцать в сторону. – Мы хотим обсудить ту непростую ситуацию, что сложилась...

– Из-за него! Сорок Два пошел против всех!

– Бред!

Двадцать Пять вздохнул:

– К сожалению, брат, Тринадцать в чем-то прав.

Сорок Два хмыкнул, провел рукой по бритой голове, и в его взгляде мелькнуло... разочарование? Да, именно разочарование. Сорок Два понял, какая пропасть отделила его от тех, кого он все еще называл братьями.

– Ты даешь новое, но ты торопишься, – негромко продолжил Двадцать Пять. – Ты забыл, что мы тоже работаем над становлением Эпохи Цифры. Ты забыл, что победу может принести не только лихая атака. Мир сложен, а потому необходимо договариваться. Год назад книгу Поэтессы разрешили в Исламском Союзе...

– Под моим давлением!

– Нет, – скривился Шестидесят Девять. – Ты едва все не испортил.

– Книгу разрешили потому, что верхолазы поняли: нет ничего страшного в том, чтобы машинист читал Поэтессу, – улыбнулся Двадцать Пять. – И еще они поняли, что все машинисты читали Поэтессу.

– Верхолазы не дураки, они понимают, что Эпоха Цифры уже настала и сопротивляться бесполезно, – добавил Шестидесят Девять.

– Но они по-прежнему верхолазы.

– А разве смена эпохи всегда сопровождается революцией? – удивленно поднял брови Девяносто Один.

– Нет, – прищурился Сорок Два. – Если оставить у власти верхолазов, все пройдет тихо.

– Вот видишь.

– Только новая эпоха не наступит.

Девяносто Один вздохнул.

– Почему ты не можешь смириться с тем, что война закончилась? – поинтересовался Двадцать Пять.

– Потому что она еще не начиналась.

– Брат наш Сорок Два не понял, что Поэтесса дала не путь, но направление, – громко произнес Восемьдесят Три. – Он следует букве...

– Хватит нести чушь! – рявкнул Шестидесят Девять и тяжело посмотрел на Сорок Два. – Мы хотим сказать, что террористические методы нас задолбали. Пора, черт бы тебя побрал, повзрослеть!

Тринадцать кивнул, подтверждая слова Шестидесят Девять, однако внимательный наблюдатель смог бы разглядеть в глазах американца беспокойство: тридцать секунд назад Три-

надцать отправил приказ на захват несговорчивого Сорок Два, однако врываться в конференц-зал бойцы почему-то не торопились.

Автомат честно предупредил почтенную публику, что собирается свихнуться. Для начала шумно рыгнул, наполнив комнату запахом кофе, затем из его пуза донесся металлический лязг, с утробным рычанием изверглась стопка пластиковых стаканчиков, и только после этого, завладев, подобно хорошему актеру, вниманием присутствующих, кофейное устройство разродилось мощным потоком горячей воды.

Почтенная публика среагировала на происходящее со здоровым солдафонским юмором.

– Об...ся! – громогласно прокомментировал действия автомата Дьюки, приправив сообщение парой крепких словечек.

– Фрэнк, здесь женщины!

– Они подумали так же!

– Но не сказали.

– Да и хрен с ними!

Вода стремительно растекалась по полу, к потолку бодро поднимался пар, публика веселилась.

– Сделайте что-нибудь, – попросила вскочившая на кресло Роза.

– Что?

– Позовите уборщика!

– Пока идет совещание, сюда никого не пустят.

– Сами справьтесь!

– Оттуда кипяток шпарит!

– Тоже мне, мужчины. Тьфу!

– Ладно-ладно.

Двое телохранителей нехотя направились к взбесившемуся кофейнику, а остальные столпились вокруг, снабжая добровольных механиков бесплатными советами:

– Ноги не промочите!

– Не спешите, мужики, рано или поздно вода закончится.

– Из розетки выдерните – и все дела!

– Черт! – Маленький дротик, снабженный лошадиной дозой снотворного, вонзился в шею Фрэнка. – Девки...

– Ребята!

Поздно. Слишком поздно. Пума и Красная стреляли молча. Стояли позади отвлекшихся на автомат мужиков и хладнокровно палили из пневматических пистолетов, распределяя дротки между телохранителями. Ударить в ответ никто не успел.

Пауза затянулась.

Тринадцать смотрел на Шестьдесят Девять, Двадцать Пять – на них обоих, недоуменно, словно пытаясь понять, почему они переглядываются. Трое остальных застыли у стены, и человек опытный, бывавший в переделках, легко догадался бы, что лидеры dd ушли с открытого пространства, освобождая место... Кому?

Сорок Два вопросительно изогнул бровь.

– Да, – невольно ответил Тринадцать. – Мы... мы все-таки хотим договориться.

– Мы же братья, – протянул Шестьдесят Девять.

А Восемьдесят Три не удержался – посмотрел на дверь, чем вызвал у Сорок Два веселую улыбку.

– Кого-то ждешь?

– Нет, – опомнился руководитель южноамериканского куста.

– То есть приказ на атаку, который Тринадцать отправил пару минут назад, был шуткой? Восемьдесят Три опешил.

– Откуда ты знаешь?

– Я перехватываю сигналы с ваших «балалаек», – дружелюбно объяснил Сорок Два. – Ничего личного – простая предосторожность.

Шестьдесят Девять машинально шагнул к двери.

– Не надо! – Сорок Два уже не походил на придавленного бытом клерка, на растерянного парня, с трудом отбивающего ластивые слова. Перед руководителями dd стояла легенда. Террорист номер один и он же – пророк, открывший людям двери в новый мир. Холодный, жесткий и знающий, что должен делать. – Девочки обезвредили ваших телохранителей. А другие мои люди взяли под контроль здание.

– Нас шестеро, а он один! – прорычал Тринадцать.

Американец еще не понял, что партия проиграна. Или же не мог смириться.

– Мои девочки, – напомнил Сорок Два. – Тронете меня, и они перестанут играть по правилам.

– По каким еще правилам?

Сорок Два вплотную подошел к Тринадцать, помедлил, глядя ему в глаза, и затем отчеканил:

– Несмотря на ваше предательство, кровь не пролилась. Ева и Роза никого не убили, потому что мы – братья. И так должно оставаться.

Перед лидерами dd стоял пророк, а не убийца, стоял тот, кто все еще считал их своими. Перед ними стоял тот, кто их любил.

– Как ты нас заблокировал? – угрюмо спросил Двадцать Пять.

Сорок Два усмехнулся: ну хоть один задал правильный вопрос. Хоть один показал, что жажда наживы не угробила в нем машиниста.

– Как ты это сделал?

– Все дело в программах. На вас работают лучшие машинисты мира, но я стою над ними. А значит – и над вами.

– Поискать кого-нибудь получше? – Удар под ребра. – Я тебе покажу, скотина, поискать получше! – Еще один удар. – Ты меня надолго запомнишь, тварь...

В носках изящных полусапожек Пумы прятались металлические набойки, поэтому удары, которыми она осыпала бесчувственного Дьюки, получались весьма жестокими.

– Продолжаешь спор? – поинтересовался вышедший из конференц-зала Сорок Два.

– Заканчиваю! – Раскрасневшаяся Ева врезала валяющемуся на полу Фрэнку в последний раз, повернулась и, мило улыбнувшись, объяснила: – Он большой нахал.

– Угу, – подтвердила Красная. – Нахал и скотина.

– Как скажете. – Сорок Два рассеянно оглядел комнату, лежащие вповалку тела, лужицу крови рядом с Дьюки – Пума била Фрэнка не только в живот – и осведомился: – Мы можем уйти?

– Обижаешь, дорогой, – улыбнулась Роза. – Мы полностью контролируем здание. Твои новые программы великолепны, местные машинисты не видели, как ребята...

– Спасибо, Роза. – Легкий взмах руки заставил Красную замолчать.

– Машина у входа, – тихо произнесла Ева.

Сорок Два нерешительно посмотрел на дверь в конференц-зал. На закрытую дверь, за которой притаились лидеры почти всемогущего сообщества dd, за которой остались его братья. Посмотрел так, словно надеялся, что кто-нибудь из них выйдет и... Нет. Не выйдет. Никто и носа не высунет до тех пор, пока очнувшиеся телохранители не обеспечат должный уровень безопасности. Пока не уйдет напугавший их пророк.

– Уезжаем, – негромко приказал Сорок Два. – Нам здесь не место.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Спокойное утро в милом доме – что может быть прекраснее?

Вот перед нами лежит голубой Эльдorado,
И всего только надо – опустить паруса.
Здесь, наконец, мы в блаженной истоме утонем,
Подставляя ладони золотому дождю.

Запись была старой, можно сказать – древней, то ли начала двадцать первого века, то ли вообще конца двадцатого. Имя исполнителя затерялось в череде музыкальных поколений, а вот Кирилл его помнил. Грязнов коллекционировал старую музыку на старых же носителях: виниловых дисках и толстых пленках, иногда, оставаясь один, включал ее – в кабинете антиквара стояли громоздкие проигрыватели – и слушал, сидя с закрытыми глазами в глубоком кресле. Пэт же регулярно пользовалась архивом отца, цифровым, разумеется, архивом, не дисками. Сначала из любопытства, потом втянувшись, почувствовав, что слова некоторых забытых песен прикасались к тем стрункам души, до которых не добивались современные идола.

Девушка открыла глаза, сладко потянулась и улыбнулась ползущему по противоположной стене солнечному лучику, непонятно каким образом пробившемуся сквозь толстые шторы.

– Привет!

Луч не ответил.

Здесь можно петь и смеяться, и пальцы купать в жемчугах.
Можно гулять по бульварам, и сетью лукавых улыбок
Можно в девичьих глазах наловить перламутровых рыбок,
И на базаре потом их по рублю продавать.

Когда-то Пэт, как и подавляющее большинство нормальных людей, просыпалась с помощью «балалайки». В указанное время в голове начинала звучать негромкая музыка, намекая хозяину, что пора вставать, или шептал что-нибудь приятное мягкий голос няни. Теперь же приходилось пользоваться коммуникатором.

Пэт дотянулась до тумбочки, остановила запись, подумала и нажала на пару кнопок, подключив карманный компьютер к настенному монитору. Привычку смотреть утренние новости Грязнов называл первым признаком взросления.

– После короткого топтания на месте акции «Науком» вновь пошли вверх...

С тех пор как ведущая русская корпорация стала главным подрядчиком строительства Станции, ее акции только и делали, что росли. Или, по меткому выражению комментатора, «топтались на месте». А потом снова росли. Даже трехнедельный кризис, случившийся несколько месяцев назад на азиатских площадках, не поколебал позиции «Науком», хотя опустил акции почти всех монстров мировой экономики.

Пэт поднялась с кровати и направилась в ванную. Высокая, стройная, подтянутая... На первый взгляд грациозная девушка могла показаться хрупкой, однако в каждом ее движении чувствовалась сила. Не выставленная напоказ рельефными мышцами, как это бывает у профес-

сиональных спортсменов, не придающая жестам грубоватую резкость, характерную для солдат, но внутренняя сила, дарующая уверенность и спокойствие.

– Министр внутренних дел Франции заявил, что отключение электричества в семи районах Эль-Парижа стало результатом аварии, а не атаки ломщиков, как было объявлено ранее, – проорал ей вслед комментатор. – «Признаков вторжения не обнаружено, и я с уверенностью заявляю, что террористическая организация Сорок Два непричастна к инциденту...» Тем не менее министр признал, что Франция, как и весь Европейский Исламский Союз, испытывает гораздо более серьезные проблемы с л-вирусом, нежели Индия и Китай...

Пэт выдавила на щетку немного пасты. Некоторые ее знакомые уже пользовались выброшенной на рынок новинкой – «Нанодентом», подсаженными ботами, которые трудолюбиво ползали по зубам, избавляя хозяина от необходимости утренних и вечерних процедур. Говорили, что удобно. Однако Пэт с нанами не дружила. А даже если бы и дружила, то вряд ли воспользовалась модной диковиной. «Прогресс дело хорошее, но человек должен заботиться о себе сам, – любил говорить Кирилл. – Хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя овощем». Несколько лет назад, едва оказавшись в доме Грязнова, Пэт с удивлением и непониманием восприняла подобную философию – выросшей в роскоши девушке казалось, что Кирилл издевается. Однако постепенно осознала, что тот небольшой набор обязательных ежедневных упражнений, который требовал от нее Грязнов: самостоятельно одеться, прибраться в комнате, приготовить, если потребуется, еду – жить не мешает. Напротив – помогает стать более организованной.

– Пресс-служба центральной штаб-квартиры СБА официально подтвердила, что массовые отравления и смерти, произошедшие в Кейптауне, Сиэтле и Шанхае два дня назад, связаны с применением синтезированного «синдина». Напомним, что вспыхнувшие в перечисленных Анклавах беспорядки были направлены против предприятий и офисов «Фарма-1» и подавлены силами СБА. Тем не менее в Цюрихе ясно дали понять, что корпорация не причастна к появлению на черном рынке некачественного аналога...

«Синдин» слишком дорог и... неповторим. Благодаря Сорок Два спрос увеличился на порядок, а то и несколько порядков, однако до сих пор никто не смог повторить достижение таинственных разработчиков и получить нормальный наркотик. Попытки синтезировать «синдин» предпринимались постоянно, однако все они приводили к одному результату: массовые жертвы, уличные беспорядки, уничтожение дилеров, рискнувших связаться с ненадежными поставщиками, а также самих поставщиков – с неудачниками расправлялись крайне жестоко. Убивали их не безы или полицейские, и даже не производители настоящего «синдина», а более осмотрительные коллеги. Тем не менее случаи появления некачественного «синдина» множились.

– Открытие орбитального отеля в очередной раз откладывается! Широко разрекламированный «Леонов Sol», который должен был стать вторым после «Гагарин Sol» космическим отелем корпорации «Хруничев», по-прежнему заперт...

Ну и что?

Умывшись, Пэт расчесала и стянула в хвост пышные каштановые волосы, отключила новости, запустила пришедшие за ночь сообщения и стала одеваться к завтраку.

– После нашей встречи я могу думать только о тебе...

Приятный, чуть хриплый баритон, голос уверенного в себе ловеласа. Это сообщение от мачо из «Девяток», который пытался соблазнить ее весь вечер.

«Неужели я дала ему номер коммуникатора? Зачем? Нет, вроде не давала... Или давала?»

Окончание вчерашней вечеринки пряталось в тумане ощущений: беззаботное веселье, руки на плечах, чувственные губы... Постаравшись, Патриция наверняка вспомнила бы все подробности, но зачем? В жизни должно быть место маленьким тайнам.

– Удалить! – велела девушка. Компьютер исполнил волю хозяйки и тут же вскрыл следующее послание.

– Пэт, ты не забыла, что сегодня Клара Мим показывает летнюю коллекцию...

«Модный показ? Гм... надо подумать».

– Следующее!

– Патриция, ученый совет факультета готов предложить вам...

Успехи в учебе не остались незамеченными. Профессора постоянно намекали Пэт, что занятие семейным бизнесом – пусть даже речь идет о почтенной, известной всем верхолазам планеты антикварной фирме – совсем не то будущее, которого достойна столь одаренная девушка. Профессора настаивали от чистого сердца, видели, что Патриция способна вырасти в великого ученого, и не хотели отпускать ее из Университета. Профессора были уверены, что действуют в интересах девушки, не догадываясь, что именно подразумевала Пэт, говоря о «семейном бизнесе».

– Сообщение удалено.

– Патриция! Мое письмо к вам вызвано глубочайшими чувствами...

«Влюбленный, черт бы его драл, однокурсник! Удалить немедленно!»

– Владельцам мотоциклов! – Загремели фанфары, и на мониторе появился красавец «Судзуки». – Только до конца мая наша мастерская...

«А спам как сюда проник? Удалить!»

– Милая, милая, милая Патриция! Я ужасно соскучилась! Почему...

Таисия Кук... Вспоминать, как выглядит подруга, не пришлось – Таисия прислала видеописьмо. Надиктовала его, расположившись на антикварной софе. Волосы забраны в изысканно растрепанную прическу, шелковое домашнее платье открывает плечи и грудь, в руке – раскрытый томик стихов. Утонченная натура или играющая в «возвышенность» метелка? Патриция еще не разобралась, а потому не рвала с Таисией, держала рядом, помня, что ключ может оказаться где угодно.

«Ключ... – Пэт посмотрела на тонкие кисти, на длинные пальцы с тщательно ухоженными ногтями. – Ключ...»

Похоже, придется навестить госпожу Кук и окончательно выяснить, что она из себя представляет.

– Из Эдинбурга сообщают, что майские показатели уже превзошли ожидаемые в два раза. Томми счастлив, словно в первый раз влюбился, и уверен, что в этом квартале обязательно уделает Клозе.

Михаэль Клозе руководил франкфуртским филиалом фирмы, и его оборот уступал только Москве, чем въедливый бюргер весьма гордился.

– С Михаэля давно пора сбить спесь, – хмыкнул Кирилл.

– Согласен. – Таратута заглянул в коммуникатор. – Теперь о нашем транспортном подразделении: все грузы прибыли по графику. Инцидентов нет. Ночь прошла спокойно.

Официально Филя Таратута числился в антикварной фирме Грязнова бухгалтером на все руки: сводил дебет с кредитом, контролировал расходы, обеспечивал поставки и совал взятки нужным людям. Однако эта суета была лишь видимой частью айсберга, гораздо больше времени и сил отнимала у Таратуты работа на Консорциум, региональным менеджером которого являлся Кирилл.

– Никаких приключений?

– Ну, почему же? – Филя улыбнулся. – Есть один интересный нюанс.

– Какой?

– Последнее время все чаще возникают проблемы со связью. Сегодня ночью машинисты дважды засекали повышенное внимание к нашим переговорам.

Теоретически, хороший специалист мог перехватить ведущийся через коммуникатор со сдвоенным шифрованием диалог, но никто этим не занимался, поскольку на извлечение из цифровой белиберды полезной информации потребовалось бы несколько десятков лет. Целью большинства атак ломщиков был объект, они пытались определить точку входа и, соответственно, вычислить местонахождение ведущих разговор людей.

– Насколько активно они работают? – осведомился Кирилл.

– Машинисты говорят, что парни пока не наглеют, принимают. Но наши защитные программы их со следа не сбивают.

– Нейкисты?

– Угу, – подтвердил Таратута. – Тритоны Сорок Два.

– Как же вы их засекли?

– *Etiam capillus unus habet umbram suum*².

Говоря о нейкистах, или «тритонах Сорок Два», Филя совсем не имел в виду, что его прощупывают именно сподвижники главного террориста планеты. «Тритонами» с недавних пор величали всех, кто использовал придуманную Сорок Два триицу: и правоверных последователей Поэтессы, и тех, кто плевал на Эпоху Цифры с высокой колокольни. Возможно, пророк нейкистов действительно мечтал о справедливом мире, однако пока действия Сорок Два привели лишь к выходу сетевых преступников на качественно новый уровень.

– Надеюсь, вы их не спугнули?

– Ни в коем случае, – подтвердил Таратута.

– Хорошо.

Грязнов вытащил из кармана золотую коробочку и вытряхнул на ладонь белую пилюлю. Сообразительный Филя поднес хозяину стакан воды и, дождавшись, когда Кирилл проглотит лекарство, участливо осведомился:

– Болит?

– У меня всегда болит, – угрюмо ответил Грязнов, возвращая стакан.

– Но в последнее время сильнее?

Кирилл прищурился на помощника.

– Ты защитил докторскую по медицине?

– Я просто вижу, – негромко ответил Таратута, продолжая вертеть в руке стакан. – Я просто все вижу.

Именно Филя ездил в Мутабор за таблетками для Грязнова, а потому он лучше других знал, насколько больше пилюль приходится принимать Кириллу в последнее время. Речь шла не о привыкании – лекарство храмовников не было наркотиком, просто усилились мучающие антиквара головные боли.

– Я успею, – все так же угрюмо произнес Грязнов. То ли Таратуте пообещал, то ли себе. Помолчал, вернул коробочку в карман и спросил: – Ты помнишь, что сегодня вы с Олово...

– *Ipso*³. А почему вы спросили?

– *Memoria minuitur, nisi eam exerceas*⁴.

– Не мой случай.

– Надеюсь.

Кирилл поднялся на ноги.

– Позавтракаешь с нами?

– Так поздно не завтракаю, – улыбнулся Филя. – Надо соблюдать режим.

² И тонкий волос тенью обладает (*лат.*).

³ Само собою (*лат.*).

⁴ Память слабеет, если ее не упражняешь (*лат.*).

Они не часто ужинали вместе: Грязнов признавал за Пэт право являться домой в любое время. Совсем редко обедали – днем у каждого были свои дела. А потому совместные завтраки оставались практически единственной для них возможностью встретиться, поговорить или просто посмотреть друг на друга.

- Апельсиновый сок?
- Сегодня – грейпфрутовый.
- Непростая ночь?
- Не особенно.

Она знала, что выглядит отлично: под глазами нет кругов, взгляд ясный, кожа дышит свежестью... Но тем не менее отец понял, что спала Пэт совсем чуть-чуть.

- Тусовалась в клубе.
- Ну и правильно.

Приняв пилюлю, Кирилл повеселел: разгладились морщины на лбу, заблестели глаза, с губ не сходила улыбка. Пэт на его фоне казалась сонной, почти недовольной, однако так только казалось. Для того чтобы поговорить с отцом, Патриция просыпалась гораздо раньше, чем могла бы. Сама просыпалась – Грязнов не просил дочь об этом. Просыпалась, потому что ценила их встречи не меньше, чем Кирилл. Потому что научилась любить.

- Еще сок? – вошедший в столовую Олово взялся за опустевший кувшин.
- Спасибо, не надо.
- Ка-ак ска-ажете.

Кувшин исчез, а в руках Олово возник поднос с дымящимися тарелками – где маленький слуга его прятал, осталось загадкой.

– Овсяная каша. – Тарелка перед Патрицией. – Омлет с помидором и луком. – Тарелка перед Грязновым.

Кланяться Олово не стал, просто исчез, вновь оставив отца с дочерью наедине.

- Чем собираешься заняться?
- Заеду в Университет.
- Сегодня суббота.
- Если хочешь много успеть, нужно торопиться.
- Торопиться не нужно, достаточно просто делать быстрее.
- Время – это единственное, чем невозможно управлять, – усмехнулась Пэт. – Мы берем его взаймы, а потому его вечно не хватает.
- Это моя фраза, – припомнил Кирилл.
- Теперь ты убедился, что я хорошая дочь?

– Я давно в этом убедился. – Грязнов отставил тарелку. Олово мгновенно убрал ее и выставил перед хозяином чашку с кофе. Потер ладони одну о другую и очень легким тоном поинтересовался: – Успехи есть?

– Нет, – так же легко, словно речь шла о сущей безделице, ответила девушка. – Как собираешься провести день?

– Буду дома. – Грязнов не часто покидал стоящий на Сретенке особняк.

– В таком случае... – Пэт чуть скосила глаза, намереваясь посмотреть время, ничего не увидела и тихонько выругалась. – Опять!

- Часы?
- Да.

К потере вживленных в организм гаджетов Пэт стала готовиться сразу же, едва узнала, кем является. Переживала, конечно, опасаясь остаться без привычных удобств, ведь в современном мире «балалайка» считалась столь же неотъемлемой частью человека, как печень или сердце. Хотела даже создать исследовательскую группу, профинансировать изыскания, позво-

лившие бы ей сохранить чип, однако Грязнов посоветовал не тратить силы на борьбу с неизбежным, и девушка, подумав, согласилась.

Тем более она уже почувствовала вкус новых возможностей.

Через год, протянув на пару месяцев дольше, чем предсказывал Кирилл, сдох напыленный на глаза наноэкран. Просто сдох, чем ввел в ступор специалистов, убежденных, что подобный казус невозможен даже в теории. Патриции предложили нанести экран повторно, однако девушка отказалась, ибо окончательно поверила словам отца. Вернувшись домой, сказала, что готова удалить вживленную в затылок «балалайку». Грязнов отвез дочь в клинику Мутабор, и через неделю голова девушки вернулась, если можно так выразиться, в исходное состояние: чип и его «гнездо» исчезли, не оставив даже шрама.

В Университете Патриция сказала, что у нее вскрылась патология, несовместимость с «балалайкой», что в общем-то было недалеко от истины. Подруги сочувственно вздыхали: «Как неудобно! Бедняжка!» Рекомендовали держаться: «Наверняка врачи придумают, как справиться с твоим недугом». Некоторые хихикали: в современном мире человек без «балалайки», считай, инвалид. А Пэт, неожиданно даже для себя, освоилась очень быстро. Коммуникатор, конечно, не столь удобен, как «балалайка», зато в голове ничего лишнего, только мысли. И ни один тритон не сможет сломать твою память.

Вот только привычка искать часы в левом нижнем углу никак не хотела уходить.

– Вернешься поздно?

– Ага.

* * *

Анклав: Франкфурт

Территория: Zwielfichtsviertel

Клуб виртуальных игр «Эверест»

Тебя всегда ведет вперед вера, даже если это – вера в тебя

Интересно, какими играми баловались пещерные люди? Бросали камни на дальность? Метали копья на точность? Боролись? Дрались «стенка на стенку»? Все вместе или ничего из перечисленного? Кто первым предложил «сыграть во что-нибудь»? Потратить время и силы не на добывание еды, а ради развлечения? Кто первым сообразил, что человек способен жертвовать настоящим ради несуществующего?

«Какая разница – кто?»

«А я уверен, что это был тот же самый парень, который потом взял в руки бубен и стал шаманом. То есть сел племени на шею. Если уж играть, то играть по-крупному».

«Религия – не игра».

«Иррациональное по своей сути занятие, требующее времени и сил, но не приносящее взамен ничего материального. Конечно же, не игра. Да и как я смел провести такую аналогию? Ведь религия – это уважаемое занятие, чистенький, опрятный и законный бизнес... – Почти крик: – Религия подавляет волю!»

И тут же ехидный ответ: «Планируешь оболванить своих последователей?»

«Нейкизм не религия! Это свободный выбор свободных людей!»

«Ах, да!»

Сорок Два вскочил на ноги, прошелся... нет – пробежался по комнате. Семь шагов до двери и семь обратно, к столу. Остановился, вновь уперся взглядом в монитор коммуникатора, перечитывая резанувшие душу строки.

«Детальный анализ „Чисел Праведности“ показывает, что Эммануэль Мария Нейк хорошо изучила опыт становления существующих Традиций и создала книгу, способную заложить основы полноценного учения, весьма и весьма интересного современному человеку. Учения, ставшего порождением материального мира, а потому понятного каждому...»

Сообщение пришло с незарегистрированного коммуникатора. Короткое объяснение: «Когда-то вы приложили много сил, чтобы прочесть эту книгу», и Сорок Два мгновенно догадался, откуда взяты отрывки.

«Люди знают, что такое компьютер, сеть, программное обеспечение, легко увязывают все это в глобальное понятие „Цифра“, оглядываются вокруг, видят, сколь глубоко проникла она в привычный мир, и задаются вопросом: „Где место Человека?“ Нейк дает ответ: в слиянии. Нейк дает ответ: мы изменили мир и не должны бояться управлять им. Блестящие игрушки обретают сакральную силу и тянутся к душам. Не Слово лежит в основе нейкизма, но холодное железо, творение рук человеческих, инструмент...»

Нейкизм не религия! Не очередная игрушка для уставшего от серых будней коллективного разума. Не способ убежать в лучший, но выдуманный мир. Нейкизм строит лучший мир здесь и сейчас! Нейкизм реален, ибо опирается на факты, на разум, а не причудливые фантазии и чудеса, которых никто не видел.

«Ты видел!»

«Ерунда! Ложь!!»

«Заявляя, что любой человек способен достичь уровня бога, и предъявляя, в качестве доказательства, группу обколотых „синдином“ ломщиков, нейкисты не просто выставляют себя на посмеище, но и допускают еще одну системную ошибку.

Если бога можно создать, если его уровня можно достичь, то это уже не религия. Это компьютерная игра...»

– Это жизнь, нейрошланг вам в задницу! Жизнь, а не игра!

«Не нравится, как выглядишь со стороны?»

– Он был психом! Мыслил категориями Традиций и чудес!

«Вряд ли за мемуары сумасшедшего убили бы столько людей...»

Сорок Два выругался. Плюнул в монитор грязным ругательством, врезал кулаком по неповинной столешнице и снова выругался – ничем другим он ответить не мог.

Урзак.

Проклятый Урзак, с книги которого начались для Сорок Два поиски истины, безумцем не был. Прав, тысячу раз прав внутренний голос: записки сумасшедшего не поставили бы на уши Исламский Союз, вудуистов и Китай.

– Нейкизм не религия и никогда ею не будет!

«Тогда зачем ты искал чуда?»

Резанули ножом воспоминания: маленькая комната дешевого эдинбургского отеля, раскрытый «раллер» и голос... его голос: «Чудо, мне нужно чудо. Мне нужно чудо. Мне...» А потом – боль. Возможно – смерть. А еще потом – великая разгадка, сделавшая его пророком нейкистов и легендой.

– Чуда не случилось! Наука – вот что привело меня на вершину. Торжество чистого разума!

«То, что ты остался жив после эксперимента, само по себе чудо. Но ты не просто выжил – у тебя все получилось».

– Хочешь сказать, что мне помог дух Поэтессы?

«Тебе достаточно лишь намекнуть, и люди подхватят эту версию. Они готовы принять новую Традицию. Дай им то, что они ищут, то, чего они ждут».

«Нейкизм – переполненное системными ошибками порождение материального мира. Любой уважающий себя машинист читал „Числа Праведности“, но Библией она стала не для всех. Книга Поэтессы приятно щекочет самолюбие машинистов, уверяя их в собственной значимости, если не сказать – избранности, но не более того. Люди душой чувствуют Слово, настоящее Слово, и не ощущают ничего сакрального в холодном железе, а потому многие чтящие „Числа Праведности“ машинисты ходят по воскресеньям в церковь или расстилают молитвенный коврик пять раз в день...»

Пальцы коснулись прохладной поверхности монитора, надавили на строки, словно выдавливая послание, стирая рассуждения о Традиции из цифрового настоящего. А перед глазами калейдоскопом пробегают виденные когда-то картины: миллион человек возле храма Иисуса Лоа в Новом Орлеане – трансляция с рождественской мессы, тысячи людей, вышедшие на общую молитву в Ланданабаде, – перекрытые улицы, расстеленные коврики, согнутые колени и уходящие в землю лбы.

– Религия дает власть над душами, – хрипло прошептал Сорок Два. – А Эпоха Цифры – это общество свободных.

«Ключевое слово – власть, – задумчиво произнес некто, сидящий внутри Сорок Два. – Разве не ее ты добиваешься?»

Тихие стоны. Обрывистые. Нежные. Возбуждающие.

Растворились в убежавших минутах.

Оставили на память лишь теплое утомление.

– Хорошо... – прошептала Пума.

Она вытянулась на кровати, уткнулась лицом в подушку и тихонько сопела, улыбаясь с закрытыми глазами.

Довольный собой Сорок Два провел рукой по спине девушки, подался вперед, дотянулся до бокала, стоявшего на прикроватной тумбочке, и жадно сделал несколько глотков вина.

– Ты не с нами, – грустно заметила Красная, прижавшись к спине мужчины.

Она слишком хорошо его знала.

Не отвечая, Сорок Два допил вино и вернул бокал.

– Красная, заткнись... Не порти момент... – попросила Ева.

И кашлянула.

– Думаешь о них? – не отставала Роза.

– Помню о них, – уточнил Сорок Два и скривился. – Помню их лица...

Даже сейчас, после упоительного секса, он помнил. Не мог забыть.

Они смотрели, как доны, мать их, корлеоны! Сытые, самодовольные, «всего добившиеся», хотя на самом деле... Хотя на самом деле такие они и есть. Каждый из них и все сразу. Пока он искал путь, пока долбил стену, преградившую дорогу Эпохе Цифры, они прагматично «вписывались» в реальную жизнь. Он совершил невозможное – подарил людям новый мир. Не образ нового мира – это сделала Поэтесса, а мир. Настоящий Мир Цифры. Они же обрели силу и власть. Положение в обществе. Обеспечили себе настоящее. И высокие их слова о стремлении – всего лишь слова. Они не против сохранения системы. Они уже часть ее.

– Они забыли, для чего мы все затеяли, для чего начинали, почему согласились делать то, что теперь они называют бизнесом.

– Может, не забыли? – В ореховых глазах Красной мелькнула грусть.

– Не забыли? – удивился Сорок Два.

– Может, они всегда были такими, – глухо объяснила лежащая на животе Пума. – Может, вы с самого начала шли по одной дороге, но в разные стороны?

Организация dd создавалась как силовое крыло нейкизма, как могучий кулак, позволяющий последователям Поэтессы наносить врагам не только цифровые удары. У истоков глобального объединения наемников стояли энтузиасты, отличные ломщики и машинисты, сумевшие не только наладить работу в сети, но и привлечь крепких профессионалов из ветеранов армий и спецслужб. Постепенно dd вышла на мировой уровень, встав на одну доску с такими мощными преступными организациями, как объединяющий контрабандистов Консорциум Транснациональных Перевозчиков и с работоторговцами из Всемирной Ассоциации Поставщиков Биоресурсов. Но при этом dd не вызвала отвращения у обывателей, изрядная часть которых симпатизировала движению нейкистов. Ломщики, бросающие вызов корпорациям. Ломщики, почитающие запрещенные почти во всем мире «Числа праведности» и ждущие наступления Эпохи Цифры, наступления времени полной свободы. Нейкисты виделись в романтическом свете, простые люди не считали зазорным поддержать попавшего в беду ломщика, и dd воспользовалась этим обстоятельством.

Сорок Два помнил времена, когда высший совет организации составляли девятнадцать человек. Молодые, умные, энергичные идеалисты. Теперь их осталось шестеро, и каждый сосредоточил в своих руках огромную власть. Вот только идеи Поэтессы верхушку dd уже не завораживают. Они вписались в общество, убили дух нейкизма, оставив лишь красивый фантик.

Уж не потому ли среди лидеров dd не оказалось ни одного из двенадцати легендарных ломщиков? Ни одного из тех, кто первым вставил «поплавки» в «балалайку». Да, большинство из великих уже в могиле, но ведь остальные исчезли, спрятались, не желая присоединяться к новой версии нейкизма. Неужели они понимали, во что выльется dd?

– Нашим братьям не нужен новый мир, – с грустью констатировал Сорок Два. – Не нужна Эпоха Цифры.

Поэтому они предали человека, способного изменить общество.

А ведь когда-то давно, сразу после сделанного Сорок Два открытия, эти козлы взяли себе цифровые псевдонимы. В знак глубочайшего уважения к легенде, чтоб им нейрошланги поотрывало. «Здравствуйте, Шестьдесят Девять! Доброго здоровья, Девяносто Один». Смешно! Обозвались цифрами, но ни черта не сделали для продвижения троицы, отговариваясь тем, что «еще не время», что «нужно накопить силы» и «тщательно взвешивать последствия каждого шага».

– Дверь открыта, а мы топчемся на пороге, – произнес Сорок Два. – Если бы я контролировал dd, мир уже вошел бы в Эпоху Цифры!

– В организации много твоих сторонников, – заметила Пума.

– Среди тех, кто ничего не решает.

– Так ведь решать должен ты, – мягко произнесла Красная. Ее губы скользнули по щеке мужчины. – Ты – пророк.

Гибкая Ева поднялась и оказалась рядом, с другой стороны. Ореховые глаза Розы слева, черные Пумы справа. Горящие, любящие, верящие глаза. И запах пота будоражит...

– Ты сделал все, что мог. Пришло время следующего шага.

– Они предали, потому что боятся. Потому что знают: люди пойдут за тобой.

– Но ты должен быть твердым.

Пылающие глаза, обжигающее дыхание и жаркие, очень жаркие слова.

Поэтесса сказала, что люди станут богами. Они изменили мир и теперь должны измениться сами. Людям нужен путь, а указать его могу только я.

Революция? Если потребуется!

Старое и новое не могут существовать одновременно. Симбиоза не будет, акула и тигр никогда не дадут потомства. Новый мир требует нового человека. Круг должен замкнуться. Я должен принять решение.

– Вина, – отрывисто попросил Сорок Два.

Красная послушно слезла с кровати и отправилась к столу за бутылкой. Сорок Два повернулся к Еве и медленно провел пальцами по тонкой шее девушки.

– Знаешь, судя по всему, я снова хочу вас.

– Не имею ничего против, – улыбнулась Пума.

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

Если банка не открывается, нужно взять другой консервный нож

– Кубинскую?

Аромат из распахнутого хумидора напрочь отбивал желание отказаться.

– С удовольствием.

– Нет ничего лучше, чем хорошая сигара к хорошему виски.

– Под хороший разговор, – прищурился Стефан Дрогас, беря в руки золотую зажигалку.

– Верно, – согласился Моратти, усаживаясь в соседнее кресло. – Хороший разговор о хорошем деле. Надеюсь, ты соскучился по сложным заданиям?

– Да я не жалею, – улыбнулся Стефан. – Ерундой мне заниматься не приходилось.

– Что верно, то верно...

Хозяином кабинета, медленно наполняющегося клубами ароматного дыма, был Моратти. Ник Моратти, президент всемогущей СБА. Человеку ненаблюдательному, или же просто глупому, обходительный Моратти вполне мог показаться типичным бюрократом, вознесшимся на высокий пост благодаря аппаратным интригам. Плотный и большеголовый любитель дорогих костюмов, виски и сигар, Ник умел быть обаятельным, знал, как расположить к себе людей, и не производил впечатления героя, способного пойти под пули. Тем не менее ему приходилось и воевать, и убивать. Слабаков в руководстве СБА отродясь не водилось, и Моратти, несмотря на внешний лоск, был безжалостным хищником. И рядом с собой травоядных не держал.

– На этот раз все очень серьезно, – мягко продолжил Ник, внимательно глядя на своего главного специалиста по тайным операциям. – Я не просто хочу, чтобы ты занялся делом, для меня принципиально важно добиться успеха. Ставка необычайно высока.

– О чем речь?

– «Синдин».

Пауза.

– Судя по серьезному тону, вы не собираетесь избавлять мир от заразы.

– Мне нужно взять за жабры производителя, – спокойно ответил президент СБА.

– Понимаю... – Дрогас попытлся сигарой. – Мои полномочия?

– Делай что сочтешь нужным.

Громкая фраза не произвела на Стефана особого впечатления – он всегда творил то, что хотел. А вот тон, которым Ник выдал стандартное напутствие, сказал Дрогасу о многом. Сте-

фан знал президента СБА много лет и понял, что Моратти взвинчен. Ему нужен производитель, он не может его добыть, а потому взвинчивается все больше и больше.

– У вас есть идеи, которые подсказали бы мне, с чего начинать, или я должен действовать с чистого листа? – осведомился Дрогас.

– Учитывая, сколько лет СБА безуспешно гоняется за производителями «синдина», я бы не рекомендовал тебе прислушиваться к нашим идеям, – зло усмехнулся Ник. – Но накопленной информацией поделюсь. Я приказал подготовить вводный доклад.

– С удовольствием послушаю.

Вызов Моратти отправил через «балалайку», а сам продолжал играть роль радушного хозяина: поднялся, принес и поставил на столик еще один стакан, разлил виски. Спиртное и сигары скорее подчеркивали серьезность происходящего, чем смягчали обстановку. А еще одним показателем того, насколько важным Ник считал текущее дело, стала личность докладчика: им оказался Альфред Солович, директор Главного управления СБА по борьбе с наркотиками.

– Представлять вас не нужно, поэтому перейдем непосредственно к делу. – Моратти удобнее устроился в кресле. – Угощайся, Альфред.

– Спасибо. – Солович взял стакан с виски и сделал маленький глоток. Потом второй, чуть больше. Захотелось еще, но сдержался – нельзя показывать слабость.

Начальник Главного управления по борьбе с наркотиками чувствовал себя униженным: отчитываться перед Дрогасом? Перед скользким ублюдком с репутацией киллера и физиономией висельника? Официально Стефан числился помощником президента СБА по общим вопросам, однако высшие офицеры знали, в чем они заключались – Дрогас занимался проблемами, решить которые законным путем не представлялось возможным. Последний довод короля... извините – последний довод президента СБА. Человек, привыкший к полной безнаказанности.

– Альфред!

– Да! – Голос Моратти вывел Соловича из задумчивости.

– Начни, пожалуйста, с главных цифр.

– За последние шесть месяцев оборот «синдина» увеличился на пятьдесят процентов, – сухо сообщил офицер.

– Ты слышал, Стефан?

Дрогас пыхнул сигарой и поинтересовался:

– Из-за Сорок Два?

На Соловича Стефан не смотрел. На Моратти, впрочем, тоже. Уставился на раскрытый бар с таким видом, будто впервые в жизни увидел бутылки со спиртным.

– Совершенно верно, – подтвердил Альфред. – Идеи Сорок Два распространяются, а вместе с ними растет число «синдиновых» наркоманов.

– На что адекватно реагирует производитель.

– Именно, – кивнул Ник.

Солович глотнул виски и угрюмо продолжил:

– Какое-то время назад нам казалось, что мы сумели справиться с распространением «синдина». По крайней мере, мы удерживали его поставки на стабильном уровне, была даже тенденция к снижению. Но едва выросло потребление – тут же выросло предложение. Дефицит не возник, а значит, наши усилия ни к чему не привели. – Альфред помолчал. – Есть ощущение, что мы проиграли «синдинову» войну.

– И я позвал тебя, – негромко заметил Моратти, глядя на Стефана.

Солович скривился, словно от удара, но оставил слова прямого начальника без комментариев. С другой стороны, он, Альфред Солович, уже признал поражение и должен уступить место.

– «Полицейские и воры» относится к классу игр, в которых невозможно проиграть, – невозмутимо произнес Дрогас, продолжая таращиться на бар. – Как, впрочем, невозможно и выиграть.

– Верно, – согласился Солович. – Однако мы еще не выиграли ни одной партии. Локальные успехи не в счет.

– Что вы называете «локальными успехами»?

– Перехват крупной партии. Аресты крупных распространителей.

– Отлично.

– Но мы до сих пор не знаем, кто производит «синдин».

– Да кто угодно!

– Я бы отнесся к этому с таким же спокойствием, если бы хоть одна корпорация смогла синтезировать «синдин», – пробасил Моратти. – Но ведь нет, черт побери! Даже «Фарма-1» сдалась!

Ник раздраженно взмахнул рукой, в которой держал сигару. На мгновение показалось, что президент собирается швырнуть ее в угол, однако Моратти сдержался. И в этот момент Дрогас окончательно понял, что ярость Ника вызвана отнюдь не тем обстоятельством, что в мире стремительно растет численность наркоманов. Моратти хочет заполучить «синдин». Почему? Судя по всему, к игре в «полицейские и воры» это желание отношения не имеет. А значит, говорить о своих истинных целях в присутствии Соловича Ник не станет.

– Давайте вернемся к докладу, – миролюбиво предложил Стефан. – Если, конечно, господину Соловичу есть, что еще сказать.

– Альфред?

– Полагаю, нет нужды повторять прописные истины и рассказывать о структуре распространения наркотиков?

Моратти кивнул, а вот Дрогас неожиданно не согласился:

– Есть нужда.

– Есть? – удивился Солович.

– Вы не справляетесь, значит, в ваших рассуждениях или действиях имеется системная ошибка, – хладнокровно объяснил Стефан. – Чтобы ее отыскать, я должен посмотреть на проблему вашими глазами.

Фраза прозвучала несколько высокомерно и очень не понравилась Альфреду. Однако деваться некуда: повинувшись холодному взгляду Моратти, Альфред проглотил оскорбление и начал излагать азы. Как школьник.

– Низовое звено цепочки – мелкие распространители, пушеры. Их количество не поддается учету, а потому купить дозу «синдина» можно практически везде. Пушеры крайне зависимы от поставщиков и не накапливают больших запасов – на руках у них не более сотни доз. Этот уровень мы называем «поставщик С».

Дрогас поморщился: он не любил бюрократов, которые каждому преступнику присваивали отдельное наименование, тщательно его описывали и изучали. Вместо того чтобы уничтожать.

– «Поставщики В» – мелкие оптовики. Среди них встречаются руководители небольших преступных сообществ, или же они действуют под крылом крупной гангстерской группировки. «Поставщики В» весьма уязвимы, поскольку пушеры знают их в лицо. Соответственно, «поставщики В» часто попадают в руки полиции. Как правило, у них изымают до десяти тысяч доз «синдина».

– С нашей подачи в большинстве государств ужесточено законодательство против оптовиков, – добавил Моратти. – Плюс СБА получила приказ не церемониться во время захватов. Если мы уверены, что «поставщик В» не в состоянии сообщить нам интересную информацию, он гибнет при задержании.

Ник рассчитывал, что любящий активные мероприятия Дрогас одобрительно воспримет информацию о жестких мерах, однако Стефан лишь кисло улыбнулся:

– Результаты есть?

– «Поставщиков В» стало меньше, цены на «синдин» поднялись.

– Это не то, что им нужно...

– Что ты сказал?

– Промежуточный вывод. Потом объясню подробно, когда оформлю. – Стефан постучал себя пальцем по лбу. – Продолжайте.

Солович вздохнул:

– Следующий уровень – «поставщики А», крупные оптовики. Лидеры разветвленных преступных сообществ либо организаций, специализирующихся исключительно на наркотиках. Запасы – до ста пятидесяти тысяч доз, но и добраться до них сложно. – Солович сделал большой глоток виски. – Тем не менее некоторых нам удалось взять.

Если Альфред ждал хотя бы видимости похвалы, то его надежды оказались напрасны.

– Насколько я понимаю, выше вы не поднимались? – хмыкнул Дрогас.

– Нет, – мрачно ответил Солович.

– Почему?

– Потому что «поставщики А» не имеют прямой связи с теми, у кого берут наркотики и которых мы называем «поставщиками Х».

– Предполагаемые производители?

– Да, – кивнул Альфред. – Их взаимоотношения с «поставщиками А» выстроены настолько надежно, что цепочка обрывается в ста случаях из ста. Деньги идут по сети, товар доставляют в условленное место. Максимум, чего мы добивались, допрашивая «поставщиков А», – перехватывали крупные поставки.

– Насколько крупные?

– До ста тысяч доз.

– Где происходили подобные захваты? – быстро спросил Дрогас.

– По всему миру.

– В Анклавах или государствах?

– В государствах, – помедлив, ответил Солович. И прищурился, догадавшись, куда клонит Стефан. – Только в государствах.

– В Анклавах крупные партии «синдина» захватывали?

– Никогда.

– Максимальная партия, которую перехватывали в Анклавах?

– Двадцать тысяч доз.

– Наблюдались ли перебои с поставками «синдина» после крупных захватов?

– Нет.

– И всплеск потребления, вызванный идеями Сорок Два, не привел к дефициту, – медленно повторил Дрогас услышанную ранее информацию.

Моратти внимательно посмотрел на помощника, Ник понял, что Стефан уже увидел нечто такое, что ускользнуло от внимания Соловича.

– Мы давим изо всех сил, – глухо закончил Альфред. – Мы пересажали кучу «поставщиков В», мы взяли несколько очень крупных рыб, ужесточили наказание за «синдин», но... – Солович поставил на стол опустевший стакан. – «Синдина» не становится меньше. Цены, правда, растут...

– Да, да, я понял. – Дрогас попытался сигарой и выразительно посмотрел на президента СБА.

– Спасибо, Альфред, – улыбнулся Ник.

Уточнять свое пожелание президенту СБА не потребовалось. Сообразительный Солович коротко кивнул, поднялся и вышел из кабинета. Он чувствовал себя оплеванным.

– И? – Моратти добавил в стаканы виски. – Что скажешь?

Стефан поднял левую ладонь, показывая, что просит время на размышление, помолчал с полминуты и только после этого негромко начал:

– Производитель «синдина», будем называть его «поставщиком Х», раз вам так нравится, располагает сетью производств, охватывающей весь мир. Причем производства обладают огромным запасом мощности. – Дрогас раздавил сигару в пепельнице и отодвинул от себя стакан с виски. – Я ведь не случайно спрашивал о дефиците: его не было. Как только увеличился спрос, «поставщик Х» мгновенно увеличил предложение, причем с опережением – ведь одновременно активизировалась и полиция. «Поставщик Х» стал производить очень, очень много «синдина». Словно в этом и заключается его цель.

– Это понятно, – нетерпеливо перебил Дрогаса Моратти.

Стефан едва заметно улыбнулся.

– Если понятно, то почему вы с Альфредом не сделали правильный вывод?

– Не забывайся, – порекомендовал Ник. – Какой вывод?

– «Поставщик Х» прогнозировал лавинообразное увеличение спроса на «синдин».

– Он знал о Сорок Два?

– Или предполагал, что Сорок Два появится.

– Гм... – Моратти несколько секунд обдумывал заявление Стефана, после чего недоверчиво покачал головой: – Ты выдвигаешь эту версию только на том основании, что не было дефицита?

– Отсутствие дефицита – очень весомое основание, – уверенно ответил Дрогас. – Производство «синдина» – опасное занятие, поэтому разумные люди, а «поставщики Х» люди весьма разумные, ограничатся тем количеством лабораторий, которое покрывает существующую потребность. В этом случае при появлении массового спроса обязательно бы возник дефицит: «поставщику Х» потребовалось бы время, чтобы ввести в строй новые производства. Но дефицита не было. Вот и получается, что либо у «поставщика Х» есть возможность мгновенно нарастить уровень производства, либо он заранее знал о появлении Сорок Два. В любом случае круг подозреваемых сужается.

– У тебя уже есть подозреваемые?

– А для чего вы меня позвали? – «удивился» Стефан.

Ник усмехнулся:

– Говори.

– Подозреваемые очевидны, – пожал плечами Дрогас. – Поскольку крупные партии «синдина» перехватывались исключительно в государствах, можно с большой вероятностью утверждать, что производство налажено в Анклавах.

– В свое время мы отрабатывали эту версию, – разочарованно протянул президент СБА. – Но ни черта не нашли.

– Потому что не искали по-настоящему, – спокойно парировал Дрогас. – Вы не уделяли должного внимания тем, кто способен производить «синдин». Вы искали подпольные лаборатории, а они не в состоянии справиться с резко выросшим спросом. Речь идет о промышленном производстве.

– Корпорация, – понял мысль помощника Моратти. – «Синдин» производит какая-то корпорация... – Пауза. – Невозможно. В свое время мы досконально проверили всех, кто мог организовать подобное производство.

– Значит, кто-то сумел вас обмануть, Ник. И я догадываюсь кто.

– Мутабор?

– Храмовники всегда первые в списке подозреваемых.

Моратти почесал подбородок, пыхнул сигарой, взялся за стакан, но передумал, отставил виски и вновь почесал подбородок.

– Когда «синдин» только появился, все решили, что его придумал Мутабор. СБА потребовала объяснений, и Владыка распорядился открыть для проверки производства корпорации. Это был единственный в истории случай, когда храмовники согласились на тотальный досмотр своих зон. – Ник помолчал. – Мы ничего не нашли, подозрения были сняты.

– Это ничего не доказывает.

– В принципе, я согласен, – кивнул Моратти. – Тогда «синдин» еще не получил такого распространения, а значит, его могли производить в нескольких небольших лабораториях... – Ник вздохнул: – На повторную проверку храмовники не пойдут. Да и нет у нас повода ее проводить.

– Внезапная проверка? – предложил Стефан. – А повод... на то он и повод, чтобы его найти. Было бы желание.

– Мутабор не любят, но уважают. А некоторые корпорации серьезно зависят от разработок храмовников... – Моратти задумчиво посмотрел на тлеющую сигару. – Атаковать Мутабор в лоб мы пока не будем. – Еще один клуб дыма отправился к потолку. – Пока.

«Но если потребуется – пойдем ва-банк, – понял Дрогас. – Ради „синдина“ ты готов на все».

– В таком случае продолжим делать выводы из доклада Альфреда, – невозмутимо произнес Стефан. – Мне кажется, вы упустили еще один немаловажный факт: «поставщик Х» занимается «синдином» не ради прибыли. Точнее, можно предположить, что на данном этапе прибыль не является его основной целью.

Президент поперхнулся.

– Не понял.

Заявление помощника стало для Моратти большой неожиданностью.

– Если данные Альфреда не лгут, мы имеем странную картину, – задумчиво и даже слегка отстраненно, словно рассуждая с самим собой, произнес Дрогас. – Спрос увеличился лавинообразно, однако поставки выросли еще больше – дабы компенсировать активность полицейских сил. «Поставщик Х» делает все, чтобы цены на «синдин» не росли, его интересует охват.

– Разумно, учитывая, что «поставщик Х» – монополист, – проворчал пришедший в себя Ник.

– Разумно, если бы «синдин» только входил в моду, – покачал головой Стефан. – А он уже номер один в мире. Самое время стричь купоны, а «поставщик Х» продолжает насыщать рынок. Не сходится.

– Возможно, их маркетологи мыслят иначе.

– Возможно, – не стал спорить Дрогас. – Тем не менее мы должны воспользоваться сложившейся ситуацией.

– Каким образом?

– Что нам известно? Выход на производителей, или тех, кто стоит максимально близко к производителям, имеет ограниченное число «поставщиков А», то есть – действительно крупные акулы. Мы их брали после того, как проходила первая встреча с представителями «поставщика Х», на которой обговаривались основы работы. То есть мы приходили уже тогда, когда «поставщик Х» исчезал, чтобы больше не появиться. Именно поэтому «поставщики А» ничем не могли нам помочь: о поставке они договариваются через сеть, платят через сеть, товар забирают, где скажут – никаких следов. Значит, нужно попасть на первую встречу. Мы должны создать «поставщика А».

– Думаешь, не пытались? – Моратти крикнул. – Не один раз пробовали. И мы, и Европол, и ФБР... Только операции ни к чему не приводили: ни одной первой встречи провести не удалось.

– Значит, операции не были достаточно продуманы.
– Альфред не такой дурак, каким ты его считаешь.
– Я не считаю Альфреда дураком, я считаю производителей «синдина» умными, согласитесь – есть разница.

– Я лично курировал две последние подобные операции, – веско произнес президент СБА. – Мы учитывали каждую мелочь, использовали надежнейшие легенды и схемы легализации в преступной среде. Мы задействовали лучших агентов и не допустили ни одной ошибки. Ни одной утечки. Но первой встречи не добились. Они очень осторожны.

Дрогас молча обдумал услышанное, после чего, глядя Моратти в глаза, ответил:

– Пожалуй, я был не прав: ваши попытки создать «поставщика А» были продуманы. Они провалились по другой причине. – Стефан вновь взял в руку стакан и сделал глоток виски. – В спокойные времена производители «синдина» выбирали только надежных партнеров из числа тех, кто успел зарекомендовать себя на рынке. Сейчас же ситуация иная. СБА и полиция выкосили изрядную часть оптовиков, включая и крупных. А идеи Сорок Два продолжают увеличивать число наркоманов. Сейчас горячие денечки, Ник, «поставщикам Х» необходимо постоянно наращивать поток «синдина», и я уверен: они не будут столь разборчивы, как раньше.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Сити

Ясный день, шумная улица, забавные приключения

Оказавшись не в своей тарелке, постарайтесь не расплескать суп

– Какие-то проблемы?
– А? Нет, что вы, разумеется, нет!

Однако постная физиономия господина главного менеджера салона «Ламборджини Москва» резко контрастировала с оптимистичным тоном заявления.

– Вы получили деньги?
– А? Да, разумеется, да.
– Тогда в чем дело?

Как ответить? «Ни в чем. Все в порядке»? Вроде так и надо, но... Но уж больно не походили эти двое на обычных клиентов салона. В «Ламборджини Москва» – единственный, между прочим, салон «Ламборджини» в Анклаве, – приходила публика особого сорта. Вымытый до блеска мраморный пол топтали ботинки высшей пробы да туфельки от лучших дизайнеров. О кожу диванов терлись лучшие шмотки современности. И пахло в салоне не бензином – боже, упаси! – а дорогим парфюмом, старыми винами и ароматными сигарами.

«Мы продаем не автомобили, а образ жизни!»

А эти...

«Эти» вызывали у господина главного менеджера большие сомнения. Хорошо еще, что других клиентов не было и никто не увидел, какие посетители приходят в респектабельный салон. Могли ведь поползти слухи!

Подвижный толстячок в дешевом коричневом костюме и несвежей – фи! – рубашке! Даже не сорочке, а именно рубашке, купленной на какой-нибудь распродаже. На голове – мятая шляпа, в руке – потертый кожаный портфель совершенно древнего дизайна, а штиблеты... Штиблеты следовало выбросить лет восемь назад. Приятель толстячку не уступал. Невысокий, тощий, одетый в длинную рубаху без воротника, шаровары и – внимание! – тапочки, он поразил господина главного менеджера обилием татуировок. Черные символы, узоры и снова

символы сплетались в невероятно запутанную вязь, покрывающую все видимые участки тела, оставляя чистым только лицо.

Когда они вошли в салон – жизнерадостный толстячок впереди, разрисованный семени-нит следом, – господин главный менеджер решил, что сейчас его будут просить о небольшом вспоможении на покрытие житейских неурядиц. Приготовился вызвать охрану. А потом долго-долго таращился на документы, согласно которым должен выдать странной парочке недавно доставленную «Ламборджини Ифрит», стоимостью – задержите дыхание – два миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять евродинов. Выдохните.

– Мы можем забрать машинку? – осведомился толстячок. – *Tardum est differe quod placet*⁵.

– А? – Господин главный менеджер совершенно растерялся.

– Это латынь.

– А-а...

– Нам нужна машинка.

– Э-э... думаю, наверное, – рассеянно отозвался господин главный менеджер, наблюдая, как разрисованный снимает тапочки и забирается внутрь «Ламборджини Бедуин» – вызывающе роскошного внедорожного купе. – Она ему понравилась?

– *Procul dubio*⁶, – пожал плечами толстячок. – Но вы не волнуйтесь – Олово человек робкий и ничего не испортит.

«Бедуин» заморгал фарами, разрисованный широко улыбнулся и принялся тренировать другие кнопки.

– Забирайте-ка свой «Ифрит», – решительно произнес господин главный менеджер. – И... – Он очень хотел сказать: «Убирайтесь», но не смог – воспитание не позволило. – Надеюсь, у вас есть права?

Некоторые недоброжелатели Кауфмана любили замечать, что московские корпоративные территории охраняются не хуже иных крепостей. Что периметр, отделяющий Сити, Колыму, Царское Село и Университет от свободных зон, чрезмерно укреплен, чем вызывает у простых жителей Анклава не менее простую классовую вражду. Намекали, что возведенные Мертвым редуты демонстрируют слабость директора филиала СБА, неспособного наладить в Анклаве мирное сосуществование общин. Замечали, намекали, хихикали, но при этом не любили вспоминать, что московские корпоративные территории считались самыми безопасными в Анклавах и редко, очень редко бунтовщики рисковали штурмовать зоны, которые Кауфман считал своей вотчиной.

Мертвый отвечал за безопасность корпоративных территорий, и потому даже в спокойные времена все въезды и выезды на них контролировались укрепленными постами. Правда, это были отнюдь не бетонные бункеры, окруженные рядами колючей проволоки, что рисовались в воспаленном воображении либерально настроенных недоброжелателей, но аккуратные заставы, расположенные на первых этажах зданий и защищенные скрытой от глаз титапластовой броней. Стандартный наряд – три беза. Двое приглядывают за порядком на улице, третий изучает показания стационарного наноскопа, выискивая «поплавки», «синдин», взрывчатку и липовые чипы. Правильно зарегистрированные «балалайки» и процессоры мобилей бодро отзывались на запрос, остальные... А вот остальных не было: местонахождение постов не скрывалось, а потому ребята с неблагополучными чипами, «поплавками», «синдином» и взрывчаткой старались около них не светиться.

Порядок функционирования постов давно превратился в рутину, однако появление три-тонов Сорок Два внесло в него некоторое разнообразие.

⁵ Незачем откладывать решенное дело (*лат.*).

⁶ Без сомнения (*лат.*).

– Как я и думал – π -вирус. – Техник выдернул шнур тестера из наноскопа. – Диск на форматирование, затем полное обновление программ. Два часа работы.

– Опять?! – возмутился командир поста сержант Слепко.

– Что значит опять?

– Три дня назад его уже чистили. Откуда он снова взялся?

– Отовсюду. – Техник небрежно надавил на кнопки, принуждая компьютер наноскопа к стиранию памяти, зевнул и закончил: – Вирус цепляется почти ко всем программам, прячется в «балалайках» и приходит вместе с отзывом на запрос, засечь его очень сложно. А когда вирус оказывается в наноскопе – начинает гадить.

И в результате мощная машина перестает различать «поплавки».

– Говорят, π -вирус скоро будет поставляться вместе с базовым обеспечением. Чтобы не тратить время на лишние проверки.

– Очень смешно. – Слепко выругался. – Ублюдки Сорок Два!

– Скорее уж ублюдок – Сорок Два. Я думаю, он сам написал π -вирус.

– Один? – недоверчиво прищурился без.

– Такую хрень, как π -вирус, нельзя придумать на заказ, – задумчиво протянул техник. – Случилось озарение, гениальное озарение. Поверь, я в подобных вещах разбираюсь.

– В озарениях?

– К сожалению, нет – в работе на заказ.

– Вот и работай. – Слепко вышел на улицу и мрачно посмотрел на подчиненных. – Наноскоп сдох.

– Мы так и поняли.

– Тогда чего стоите? Берите полевые и на выборочную проверку.

– Через два часа они тоже сдохнут.

– Зато эти два часа мы будем работать.

– Куда собрался? Там же пост!

– Уже нет.

– Что значит, нет?

– Ты карту давно смотрела? – ехидно осведомился Кряж. – Район заражен π -вирусом.

– Все равно опасно, – буркнула Куня. И посмотрела назад: – Что скажешь?

В просторном «Опеле Запорожье» ехали четверо. За рулем Кряж, бывший когда-то неплохим уличным гонщиком. Рядом с ним Куня, метелка еще в соку, свеженькая, ни один без не подумает, что «дыроделы» оторванная симпатяга с двенадцати лет в ход пускает. На заднем диване Кир и Шпора. Кир – главный, как скажет, так и будет.

– Самый короткий путь, – пояснил Кряж.

– Ребята Сорок Два не ошибаются, – добавил Шпора. – Если сказали, что все наноскопы в этой зоне сдохли, значит, так оно и есть.

– Стационарный пост, – напомнила Куня.

– Поедем, – решил Кир. – В конце концов, это самая короткая дорога, а мы опаздываем.

Да и чего бояться, если в машине полно оружия, а у Шпоры в башке «поплавок»? Случись что, и оседлавший цифровой ветер Шпора обеспечит такое прикрытие, что безы только рты разинут. К тому же «синдин» пузырился не только в крови машиниста – Кир тоже принял дозу, и она придала храбрости.

– Поехали!

– Смотри, какая тачка! – восхищенно воскликнула Куня.

– Завтра купишь себе такую же.

– На кой ляд покупать спортивную машину, если средняя скорость в Анклаве двадцать километров в час? А? – Филя покосился на приятеля: – Перестань!

– Не меша-ай!

Внутреннее убранство «Ламборджини» привело Олово в полнейший восторг. Кожа, дерево, полированный титан, сенсорные экраны, кнопки... Стекла с нанонапылением – меняют прозрачность в зависимости от освещенности. Обволакивающие тело кресла...

– Удобно, – сообщил Олово, в десятый или девятнадцатый раз меняя конфигурацию пассажирского сиденья. – У тебя-а хуже.

– А ты, оказывается, наблюдательный.

Таратута водил потрепанный «Рено Арба» – без излишеств и удобств, зато неприметный и вместительный.

– Поста-авь себе та-акие.

– *Ignavia corpus hebebat, labor firmat*⁷.

Олово задумался, тихо бубня себе под нос, а примерно через минуту осведомился:

– Ка-ак труд свя-аза-ан с сиденья-ами?

– Спроси у своей задницы, – злорадно посоветовал Филя.

– Потом. – Олово вновь вернулся к кнопкам. – Это люк?

– Не трогай!

Поздно. Часть крыши исчезла, довольный собой Олово вскочил на сиденье и по пояс высунулся наружу.

– Мне нра-авится!

– Обивку испачкаешь!

– Мне нра-авится!

– Попросишь Пэт, она тебя покатает.

– За-ачем? Мне просто нра-авится. – Олово вернулся на место, помолчал, внимательно наблюдая за шоферскими манипуляциями Фили, после чего осведомился: – Рулить трудно?

Таратута поперхнулся:

– Зачем тебе?

– Просто спросил. – Олово погладил ручку дверцы. – Любопытно.

– Жарко.

– Не трави душу.

Полевой наноскоп представлял собой нетяжелую конструкцию, напоминающую радар – служащий для определения скорости прибор древних полицейских, который безам показывали в музее СБА. Небольшой сектор, небольшая дальность – наноскоп работал всего на тридцать метров, и слабая чувствительность: «поплавок», конечно, определит, а вот канистру «синдина» в двадцати шагах – большой вопрос. Одним словом, не работа – маета. Да и свалившаяся на Анклав жара, мгновенно превратившая Москву в раскаленную духовку, радости безам не добавляла.

– Что у тебя?

– Пусто.

– А в «Ламборджини»?

– Два урода... – Без прищурился в маленький экран. – Один вообще не подключен. А второй...

Однако в следующий миг в зону действия наноскопа попал ползущий на несколько машин позади «Ламборджини» «Опель Запорожье», и...

– Черт!!!

⁷ Праздность расслабляет тело, а труд укрепляет (лат.).

Кряж вертел баранку, Шпора ломал систему охраны – в его башке сидел купленный на общие деньги «поплавок», Кир был главным, а Куня – резкой. Выросшая на московских улицах метелка отличалась необычайной внимательностью, подмечала самые незначительные детали, не упускала ни одной мелочи и всегда – всегда! – была настороже. Великолепная реакция Куни и ее умение выстрелить первой не один раз спасали Киру жизнь или просто выправляли ситуацию. Однако сегодня они сыграли злую шутку. Киру следовало посадить метелку назад, к Шпоре.

Наблюдательная Куня заметила легкое, едва уловимое движение: правая рука беза пошла к кобуре. И это движение стоило безу жизни.

Куня среагировала, как привыкла – вскинула «дыродел» и пальнула безу в грудь.

– Нападение на пост!

Слепко врезал по тревожной кнопке и рванул на улицу.

Второй без укрылся за киоском. Отпихивает разбегающихся людей, пытаясь не упустить преступников.

Кряж подал «Опель» на встречную полосу – уехать к чертовой матери, уехать... хотя бы до ближайшего переулка. Бросить машину, уйти. Но надо ехать, потому что пешком сейчас не уйдешь...

Кир полоснул из «дрели» по безу, появившемуся в дверях поста.

– Гони, придурок!

Но навстречу – плотный поток. И тоже едва ползет. Водилы еще не поняли, что тут стреляют, едут, рискуя словить шальную пулю.

– Безы!

Куня выскочила из «Опеля» и открыла огонь по высунувшемуся из переулка патрулю. Уже из «дрели» – «дыродел» вернулся в кобур. Грохот выстрелов, вопли, удары бамперов, возмущенные клаксоны – теперь начали разбегаться и водители. Присела, шестым чувством уловив, что надо пропустить очередь. Не ошиблась – беза, что сидел на посту, Кир не достал. Очередь прошла совсем рядом. Куня досчитала до двух, вскочила и несколькими прицельными выстрелами заставила беза укрыться.

– Сзади!

Кир тоже на улице, лупит в другую сторону, оттуда тоже безы. Центр Анклава, мать его, патрулей полно, кругом видеокамеры.

– Надо уходить!

– Куда?

Быстрый взгляд на машину, и сердце падает в холодную пропасть – Кряж давит на руль простреленной башкой. Рот приоткрыт. Глаза стеклянные.

Когда его успели? Кто?

На полу у заднего сиденья ерзает перепуганный Шпора. Еще не понял, что пора уносить ноги?

– Безы!

Выстрелы.

Выстрелы.

– Безы!

Нападение на пост вызвало у безов ярость, а потому за наглыми бандитами пошли все окрестные патрули. И Куня, и Кир понимали, что времени мало – минут через пять придет вертолет, а за ним – спецназ.

Куда прорываться?

– Куня! Пост!!

Разошлись титапластовые пластины, вынырнули из амбразур беспощадно-черные стволы «ревунов». Конец? Но почему улыбается выползающий из «Опеля» Шпора?

– Туда! Туда!

Три «ревуна» послушно повернули в указанном Шпорой направлении и врезали, расчищая неудачливым бандитам путь к отступлению.

– Сколько гражданских?

– Шестнадцать. Тридцать один раненый.

«Ревуны», чертовы «ревуны»! Три свинцовых полосы, уходящие от поста на север, сливались в одну широкую дорогу. Искореженные мобили – расстрелянные, разнесенные в клочья, сметенные с пути одиннадцатимиллиметровыми снарядами. Перепаханный асфальт. Осколки стекла под ногами и кровь. Очень много крови. И куски тел.

– Они хотели прорваться к Болоту, а в переулке наши, как засекли – сразу положили гадов.

Еще через пару минут над постом завис вертолет, спецназ блокировал улицу, но «ревуны» продолжали стрелять до тех пор, пока машинисты Пирамида не вернули себе контроль над автоматическими пулеметами.

– Я их не задействовал, – угрюмо сказал Слепко, – потому что...

Понятно, почему – люди. «Ревуны» на постах предназначены на самый крайний случай – отбивать штурм во время массовых беспорядков. Ни один без не запустит «ревун», чтобы взять мелкого уголовника. А вот той твари, что сидела в «Опеле», на гражданских было плевать. Обколотой «синдином» твари с «поплавком» в башке. Тварь хотела сбежать, а потому устроила кровавый хаос.

– Тритоны... – злобно протянул Кукушкин, ткнув носком ботинка в ближайшее тело.

– Так точно, – подтвердил Слепко.

– Да я не спрашивал.

– Прошу прощения.

С Кукушкиным сержант держался если не подобострастно, то довольно близко к этому – с офицерами из Управления дознаний не шутят. А потому и спешил с ответами.

– Это кто?

Кукушкин кивнул на двух мужчин, скупающих на тротуаре в позе «грешника»: стоя на коленях и держа руки за головами.

– Подозрительные.

– Гм...

Слева – толстячок в дешевом костюме. Круглая физиономия выражает высшую степень недовольства, однако рот на замке – то ли ученый, то ли безы уже объяснили правила парой тычков в зубы. Тот, что справа, куда занятнее. Невысокий, худой, одетый в широкую рубашку без воротника и шаровары, он выглядел абсолютно безмятежным и удивлял окружающих обликом татуировок – черный узор покрывал все, кроме лица.

Кукушкин хотел было пошутить насчет разрисованного, однако прикусил язык. После того как он посмотрел на «подозрительных», «балалайка» зафиксировала их лица, автоматически связалась с базой данных, отыскала совпадения и вывела на наноэкран сообщение: VIP-список.

Вместо шутки последовало чертыхание.

– Что случилось?

– Подожди!

Повторная проверка подтвердила первоначальную информацию: скупающие на тротуаре клоуны внесены в список особо охраняемых людей.

«Вот, дьявол!»

– Чем они показались подозрительными?

– Они в «Ламборджини» сидели, – немедленно ответил без и кивнул на припаркованный неподалеку «Ифрит». – Они!

Толстячок и разрисованный действительно не походили на владельцев шикарного спортивного автомобиля. Но ошибка исключалась: Кукушкин успел связаться с Пирамидомом и получить третье подтверждение из уст оператора. VIP-список.

– Что с твоей «балалайкой»?

– Тритон спалил все каналы. Похоже, вирус пустил.

– Теперь понятно.

– Прошу прощения, что понятно?

Кукушкин сплюнул.

– Вы их били?

– Нет.

«Хоть здесь не налажали!»

– Документы у них в порядке?

– С виду – да, мы не успели проверить...

– В таком случае принеси им извинения, сержант, и отпускай на все четыре стороны.

– Но...

– Они из VIP-списка, понял. – Кукушкин поморщился: – Так что извиняйся старательно, их жалоба может стоить тебе должности.

* * *

Анклав: Франкфурт

Территория: Zwielfichtsviertel

Клуб виртуальных игр «Эверест»

Если у тебя нет ничего, тебе нужно все

– Мы не пытаемся найти свое место в мире. Мы не гости, мы – хозяева. Мир изменился, он перестал быть таким, каким знают его люди прошлого. Жалкие, слабые трусы, цепляющиеся за обломки ушедшей эпохи. Люди прошлого боятся перемен, они не понимают, что обязаны сделать следующий шаг. Что только в движении – жизнь. Они не понимают, что мы не разрушаем их мир – он уже разрушен, он уже ушел в историю. Они не понимают, что мы не можем спуститься к ним, ибо мы слишком далеко, а даже если и могли бы вернуться, то не захотели бы. Они не понимают, что должны подняться, встать с нами вровень. Они не понимают, но я верю – поймут...

Со стороны могло показаться, что семь человек, сидящие в устланной циновками комнате, медитируют. Что впали в транс, путешествуя по внутреннему космосу, и что в этой экспедиции их, возможно, сопровождает средней тяжести наркотик. Глаза закрыты, головы опущены... и тишина, неестественная тишина, наполнившая комнату-аквариум.

Сорок Два расположился лицом к людям, у стены, прямо под портретом Поэтессы. Свои обращения, свое Слово Сорок Два передавал только по сети, прямо в «балалайки» слушателей, а потому его речам внимало гораздо больше семи человек. По самым скромным подсчетам, Слово Сорок Два он-лайн ловило тридцать миллионов пользователей сети, а в ближайшие сутки запись послушают еще около ста миллионов. По самым скромным подсчетам.

Но даже те, кто собрался в комнате, даже самые преданные сторонники Сорок Два: Красная, Пума, Ян Крюгер, Саймон Хост и другие, даже они, находившиеся подле своего пророка, внимали Слову через сеть – такова была его воля.

– Старый мир боится нас. Страх заставляет людей прошлого думать, что с нами можно договориться, а когда не получается, они пытаются нас купить. Люди прошлого извлекают на свет замшелые ценности и трясут ими, как дикари – связкой раковин. Останься с нами, твердят они, и у тебя будут власть, богатство, сила. Не иди вперед. Откажись от мечты. Склонись перед лидерами ушедшего в небытие мира, склонись перед прошлым. Раздели с нами страх нового. И некоторые, увы, поддаются искушению. – Тщательно выверенная пауза. – Несколько дней назад меня пытались убить. Братья. Наши братья, души которых затуманило искушение. Я не виню их, ведь человек слаб и способен ошибаться. Мы шагаем вперед, но меняемся не сразу. И как величие нового мира невозможно осознать в одно мгновение, так же и новое Я – оно приходит постепенно. Я прощаю тех, кто поднял на меня руку, – я верю в них. Мое сердце открыто для каждого, даже для того, кто искушает нас. Даже для того, кто уговорил братьев пойти против меня. Неужели он думает, что моя смерть отсрочит Эпоху Цифры? Нет. Тысячу раз нет. Наш новый мир давно реальность, и тот, кто ощутил его, никогда не станет прежним. Им придется убить всех нас. А потом убить всех других, кто познает Мир Цифры. Но им не повернуть время вспять. Не повернуть!

Сорок Два открыл глаза и сразу же встретился взглядом с Красной. Никогда и никому Сорок Два не показывал заранее текст очередного обращения, случалось – обрывал его на полуслове, но всякий раз, открывая глаза, видел, что Роза уже смотрит на него. Остальные еще переживают услышанное, еще погружены в Слово, а она уже поняла, что речь окончена. Порой Сорок Два казалось, что Красная читает его мысли.

- Замечательная речь. Очень сильная.
- Спасибо.
- Не слишком ли ты великодушен? – кашлянув, поинтересовалась Ева.
- Это признак величия, – задумчиво произнесла Красная. – И силы.
- Это слово пророка, – добавил Саймон.
- Лучше быть и великим, и живым, – проворчал Ян.

В отличие от других адептов Сорок Два, Крюгер плохо разбирался в цифре, «поплавок» в голову, разумеется, вставил – кто сейчас без него? – однако машинистом от этого не сделался. Зато Ян был отличным воякой.

- Враги Его пойдут следом и поднимут штандарты Его, – отозвалась Роза. – Так будет.
- Хотел бы я разделить твою уверенность.
- Врага уничтожают! – кивнула Пума и шлепнула по выставленной ладони Яна.
- Согласен, Ева!

Слово закончилось, однако трансляция продолжалась. Так было заведено изначально: Сорок Два всегда отвечал на несколько вопросов почитателей. А уж на этот раз, когда непонимание разделило людей почти напополам, избегать беседы было нельзя.

- Они наши братья.
- Предатели!
- Убийцы!

Сорок Два не просил девушек скрывать случившееся, поэтому о ловушке, которую готовили в Марселе руководители dd, узнали все. По сети прокатилась волна возмущения, горячие головы предлагали обрушить серверы dd, парализовать работу организации и только после ожесточенных споров решили подождать очередного Слова. А Сорок Два взял да и протянул отступникам руку.

- Ты рискуешь!
- Мы не должны воевать со своими!
- Всему есть предел! Они напали!
- Сорок Два прав – они поймут!

Сеть гудит. Несколько миллионов человек пытаются высказаться. Каждую секунду к разговору присоединяются новые собеседники.

Последователи.

Большинство способно лишь на моральную поддержку. Высказывают мнение о каждом выступлении. Критикуют. Соглашаются. Но много и таких, кто готов что-то сделать, а это уже армия. Это – новый мир.

Новый хрупкий мир.

Сорок Два прекрасно понимал, насколько уязвимо его дело. Дело, ради которого тысячи людей готовы отдать жизни. Несмотря на уверенные заявления пророка, старый мир способен и уничтожить, и взять под контроль нейкистов. Поставки «поплавков» нерегулярны, кто производит «синдин» – неизвестно. Нужна база, опора, а те, кто должен был ею стать, предпочли договориться с властями. Люди внимают Слову, люди готовы принять новую эпоху, готовы измениться, но где брать ресурсы? Нужен «синдин», много «синдина» – очень много. Нужны «поплавки», и отнюдь не за те деньги, которые они стоят сейчас. Нужно...

Нужно найти тех, кто может все это дать, потому что без ресурсов движение умрет.

А тем временем роботы накапливают статистику, делят миллионы высказываний на «за» и «против», погрешность, конечно, велика, но кое-какое представление предварительный подсчет дает. Шестидесят пять процентов слушателей считает, что лидеров dd необходимо накачать.

- Они продались верхолазам!
- Не верхолазам, а СБА!
- Стали уголовниками!
- Они забыли Поэтессу!
- Ребята! Кто работает на dd! Вы чего молчите?
- А что мы можем?
- Вы все можете!
- Им нужны деньги и власть!
- Давайте послушаем Сорок Два!
- Дайте сказать Сорок Два!

Миллионы людей замолчали почти мгновенно, можно считать, что в сети случилось настоящее чудо.

Сорок Два мягко улыбнулся.

– Я верю в каждого, в чьем сердце живет Поэтесса. Я верю в каждого, кто хоть на мгновение почувствовал новый мир. Я верю в человека, и я готов принять его со всеми слабостями. Я верю.

Франкфуртский Zwielichtsviertel представлял собой типичный для Анклавов район смешения культур, на улицах которого экзотические немецкие пряники соседствовали с традиционным европейским кебабом, китайские лавочки перемежались индийскими заведениями и звучали все языки мира. Чем-то Zwielichtsviertel напоминал московское Болото, однако было и два существенных отличия. Во-первых, Анклав Франкфурт славился сравнительно невысоким уровнем преступности, и даже печально знаменитые албанцы вели себя здесь не столь нагло, как в Эдинбурге или Марселе. Во-вторых, в Zwielichtsviertel не было ни одного храма: молиться богам люди отправлялись на этнические территории. В результате район-смешение, район-перекресток, район, копии которого в других Анклавах считались самыми взрывоопасными зонами, во Франкфурте был довольно спокоен. Плати дань бандитам и живи.

И жили.

Убежище Сорок Два, его штаб-квартира, находилось в «Эвересте» – самом большом центре виртуальных игр Zwielichtsviertel. Известный на весь Франкфурт и даже в Баварском сул-

танате, клуб занимал старое, но качественно отреставрированное здание в самом центре района, через который ежедневно проходили сотни, если не тысячи людей, затеряться среди них сторонникам Сорок Два не составляло труда. Прекрасное со всех точек зрения убежище, а наличие трехуровневого подвала делало «Эверест» и вовсе идеальной точкой для размещения штаб-квартиры движения.

Именно в подвале, на самом нижнем его уровне, и находился личный кабинет Сорок Два, входивший в который запрещалось даже Красной и Пуме. Тайное убежище внутри тайного убежища. Маленькая комната для большого человека. Иногда Сорок Два проводил в ней целые часы, иногда – спускался всего на несколько минут. Чтобы проверить сообщения, приходящие на незарегистрированный коммуникатор. Не тот, о котором знали все и который Сорок Два постоянно носил с собой, а другой, тайный, в который поступали весьма и весьма интересные послания.

«Деньги получены. Ваш информационный пакет находится по адресу...»

Сорок Два активизировал ссылку, ввел пароль и принялся скачивать лежащие на безликом сервере программы. Обновления и новые пакеты для тех, кто вставляет в «балалайки» запретные «поплавки». Программы, авторство которых будут приписывать гению Сорок Два.

* * *

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

Белые не всегда выигрывают, но всегда владеют инициативой

– Ремонт взорванного участка железной дороги проводился нашими силами, поэтому график прибытия грузов сбился всего на четыре часа. – Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА, посмотрел в лежащую перед ним бумажку, помолчал и скучно продолжил: – Отставание было ликвидировано в течение следующего дня, пятницы, и в настоящее время поставки осуществляются в плановом режиме. Пойманные диверсанты не знают заказчиков преступления, их наняли для проведения разовой акции.

– Надеюсь, их допрашивали в соответствии с юридическими нормами? – поинтересовался Моратти.

Совещание высших офицеров СБА – только президент и директора филиалов – проходило в режиме видеоконференции, а потому вопрос Ника долетел до Кауфмана с двухсекундным опозданием.

– Таким образом... Что? Ах, нормы... Разумеется, господин президент, в отношении задержанных диверсантов были применены все подходящие случаю процедуры... – Заканчивая фразу, директор московского филиала сообразил, что прозвучала она несколько двусмысленно, поэтому добавил: – Им был представлен адвокат. – И вновь пришлось поправляться: – В смысле – предоставлен.

Кауфман смотрелся невзрачно на фоне остальных участников совещания, к тому же он довольно далеко отодвинул видеокамеру, отчего на мониторах коллег выглядел совсем маленьким. Тем не менее слушали Максимилиана очень и очень внимательно. Ведь внешность и габариты далеко не всегда правильно указывают на положение человека в обществе.

– Таким образом, можно сказать, что строительство Станции идет по графику. – Резко закончив – можно даже сказать, обрезав доклад, Кауфман откинулся на спинку кресла, подпер подбородок кулаком, затянутым в черную перчатку, и уставился в камеру.

– Вопросы есть? – осведомился президент СБА.

Бонзы выдержали приличествующую моменту паузу, демонстрируя, что люди они серьезные, просто так отвечать не станут, сначала все обдумают, и лишь через несколько секунд начали качать головами. Чего спрашивать-то? О положении дел на Станции Мертвый всегда информировал предельно полно и понятно. Ну а скомканный финал... Все знали, что Кауфман не терпел, когда его перебивали.

– Полагаю, мы можем поблагодарить директора московского филиала СБА за развернутый доклад, – улыбнулся Моратти. – Спасибо, Максимилиан.

– Всегда, пожалуйста, Николо.

На лицах некоторых директоров змеями проскользнули усмешки. Подчеркнутая вежливость, с которой вели себя по отношению друг к другу Моратти и Кауфман, никого не вводила в заблуждение – взаимная ненависть президента и директора московского филиала была секретом Полишинеля.

Ник же, стерев с лица официальную улыбку, серьезно оглядел подчиненных:

– В таком случае, господа, займемся «Проблемой Сорок Два».

Отчет о положении дел на тринадцатом полигоне «Науком» входил в обязательную программу совещаний руководства СБА, показывая, что Моратти, как и все верхолазы планеты, считает Станцию самым важным проектом современности. Однако у встреч высших офицеров всегда была и главная тема. На этот раз ею стали нейкисты.

– Чэнь?

– Это уже не проблема, Ник, – отозвался директор сингапурского филиала. – Это катастрофа. – Чжантин не считался паникером, а потому в его устах слово «катастрофа» прозвучало весомо. – В моем Анклаве число компьютерных преступлений зашкаливает за все мыслимые пределы. Корпоративные сети мы удерживаем, но только потому, что полностью переоснастили машины. О чем говорить, если даже в коммуникатор секретарши я был вынужден вставить «поплавок»? – Китаец помолчал. – А на свободных территориях полный бедлам, ломают все, что могут.

– Половина преступников, которых мы берем, ломает серверы ради развлечения, – мрачно вставил Артур Скотт, директор марсельского филиала СБА. – Сорок Два снабдил хулиганов универсальной отмычкой.

– Предприниматели воют, – поддержал коллег Игнасио де ла Крус. – В Рио теперь предпочитают расплачиваться наличными.

– В Кейптауне тоже.

– И в Сизтле.

– Нам нужна стратегия!

– Нам нужна другая планета.

Скотт удивленно посмотрел на подавшего голос Кауфмана:

– Извини, Макс, не понял.

Московский директор покосился на Моратти – субординация есть субординация – и, дождавшись разрешительного кивка, любезно объяснил:

– Сорок Два – не проблема. Сорок Два – порождение системы. Нашей системы, прошу заметить. Мы оцифровали все, до чего смогли дотянуться. В головах чипы, в костях наны. Рано или поздно развитие должно было сделать качественный скачок, и вот он, пожалуйста. – Мертвый выдержал паузу. – Вы рады? Я – нет.

– Предлагаешь вырубить, к чертям собачьим, сеть? – осведомился Моратти.

Кауфман улыбнулся:

– Предлагаю действовать предельно жестко.

– Почему-то я не удивлен.

– Мы и так упустили массу времени, – повысил голос Мертвый. – Так что не следует удивляться тому, что усилия не дают результатов.

– С нейкистами можно договориться, – оборвал Кауфмана президент. – Проблема – в Сорок Два.

– Проблема в том, что мы, договорившись с одними бандитами, закрыли глаза на других.

Впервые нейкисты показали силу во время разразившегося почти три года назад «Альпийского кризиса». Подоплека тех событий до сих пор оставалась неясной, однако закончилось скрытое противостояние уничтожением целой группы адептов Поэтессы – сотрудников мюнхенского сервера dd. В ответ нейкисты атаковали Китай и Европейский Исламский Союз, развеяв по ветру сотни миллионов юаней и продемонстрировав СБА и правительствам, что те проморгали появление весьма серьезного игрока. Первая реакция была предсказуема: на dd обрушилась вся мощь полицейского аппарата. Нейкисты в долгу не остались, нанося ответные удары по экономике государств и Анклавов. Ситуация зашла в тупик – никто ведь не собирался уничтожать всех машинистов и ломщиков планеты, а потому Моратти сумел убедить верхолазов пойти на компромисс. Лидерам dd предложили закончить бессмысленную войну и принять существующие правила игры в «полицейские и воры», грубо говоря, впустили в тот же зал казино, где крутили рулетку остальные. Предложение было принято.

Однако остался радикал – Сорок Два. То ли гениальный машинист, то ли просто везунчик. И все пошло наперекосяк.

– Лидеры dd не в состоянии справиться с Сорок Два, – громко произнес Моратти. – Они попытались, но безуспешно. Они просят нашей помощи.

– Если бы мы знали, где он, то давно решили бы проблему, – проворчал Чжантин. – И без всяких просьб.

– А вы уверены, что Сорок Два существует? Что это вообще человек?

– Сорок Два – типичный псих.

– Значит, точно человек.

– Максимилиан, пожалуйста, обойдитесь без привычных шуток.

– Прошу меня извинить, Николо.

– Существует Сорок Два или нет – не важно! Существует проблема с этим именем и поразительное изобретение, которое ему приписывают.

Гений или везунчик? Изобретение существует, получается – гений. Но как Сорок Два создал троицу? Как догадался, какой результат даст сочетание «поплавка», «синдина» и особых нанов? Повезло? Может, и так. Только вот теперь троица вводит в ступор экономику планеты.

– Верхолазы требуют, чтобы мы объявили крестовый поход, – продолжил Ник. – Но я не хочу превращать его в очередную шумиху, которая закончится пшиком. Чэнь назвал происходящее катастрофой. Пока я не склонен с ним соглашаться, однако знаю, что мир на пороге коллапса. Нам нужен не просто крестовый поход, нам нужна победа. Мы должны найти уязвимое место Сорок Два и ударить по нему. – Моратти взмахнул кулаком, выдержал короткую паузу, насупленно изучая директоров, однако продолжил гораздо спокойнее, по-деловому: – Троица Сорок Два известна: наны, «синдин», «поплавок». Формула нанов давно в Сети, создать их не сложно. «Синдин» продается на каждом углу. Поэтому наша единственная крепость, последняя преграда на пути хаоса учения Сорок Два – «поплавки».

Мертвый внимательно посмотрел на президента СБА, но от комментариев воздержался. Только волосы взлохматил, умудрившись тем не менее сохранить серьезный вид.

– Подпольных мастеров, способных производить «поплавки», не так уж много, и большинство из них известны СБА. Кустарное производство процессоров дорого и трудоемко, только поэтому нам удастся сдерживать Сорок Два, в противном случае все уже давно полетело бы к черту.

– Процессоры слишком заметны. – Кауфман воспользовался короткой паузой, которую выдержал Моратти, и вставил свое слово: – Наноскопы легко засекают человека, в голове которого жужжит «поплавок».

Президент СБА с трудом удержался от презрительной усмешки.

– Максимилиан, похоже, вы забыли о п-вирусе?

– С ним можно бороться.

– Это он борется с нами.

– Следует расширить производство полевых наноскопов и оснащать ими все патрульные группы.

– По самым скромным оценкам, численность тритонов Сорок Два в разы превосходит численность сотрудников СБА. Мы просто не успеваем их ловить.

– Мы объявили премию в миллиард юаней тому, кто найдет противоядие против п-вируса, – напомнил Мертвый. – Тысячи машинистов пытаются стать богатыми, и я уверен, что рано или поздно прикончат заразу.

– Ключевые слова: «рано или поздно», – холодно отрезал Моратти. – Мы должны ударить здесь и сейчас. Это не обсуждается.

– По кому бить-то?

– Наша цель – «поплавки». Мы обязаны сократить их оборот до минимума.

– А как же «синдин»?

– Мы постоянно усиливаем борьбу, но экстренных мер принимать не будем. Аналитики считают, что если в качестве мишени мы выберем «поплавки», то вероятность конечного успеха будет значительно выше, чем в любом другом случае. И я склонен с ними согласиться. – Президент СБА тяжело посмотрел на Кауфмана: – Это понятно?

– Вполне.

– Вот и хорошо. – Моратти удовлетворенно кивнул и перестал обращать на Мертвого внимание. – Сейчас нам предстоит наметить стратегические шаги по локализации «Проблемы Сорок Два». Я уверен, мы с ней справимся.

– Эту проблему нельзя локализовать, – хмуро бросил Кауфман.

Ник тяжело вздохнул и с иронией посмотрел на Мертвого. Именно с иронией – Моратти не мог позволить демонстрацию других чувств, потому что все знали: президент СБА не в силах снять с должности строптивного московского директора.

– Максимилиан, вы победили: высказитесь, и мы вернемся к делам.

– Не более одной минуты, господин президент.

– Рад слышать.

И Мертвый, неожиданно для всех, подался вперед:

– Идеи Сорок Два привлекают людей тем, что это следующий этап. Следующий шаг. Сорок Два продает не революцию, а эволюцию. Новое строение общества. Новые связи, новые взаимоотношения, новые идеалы. Вот в чем главная угроза, господа. Мы оцифровали мир, полностью его изменили, а теперь Сорок Два продолжает наше дело – он меняет людей. Подгоняет их под новые стандарты мира, который мы с вами, господа, создали. Это естественный процесс, и тем идеи Сорок Два привлекательны. Он продает надежду.

– То есть мы должны сдать? – тихо спросил Чэнь.

– Нам нужна идея, – ответил Мертвый. – Идея, а не пулеметы.

– Президент Моратти проявил весьма похвальное рвение, – невозмутимо заметил Мишенька сразу после того, как Мертвый отключил коммуникатор.

– Согласен, – кивнул Кауфман.

Совещания высших офицеров СБА считались строго конфиденциальными, их не слышали даже обеспечивающие связь машинисты. Однако Кауфмана запрет не смущал, а потому Мишенька присутствовал почти на всех подобных мероприятиях, деликатно усаживаясь вне поля зрения видеокамеры.

– И еще меня приятно поразила растерянность, которая звучала в голосах директоров, – продолжил Мишенька. – Сорок Два действует весьма энергично.

– Сейчас ему придется туго, – хмыкнул Мертвый. – Отсутствие «поплавок» способно подкосить движение.

– Отсутствие или повышение цены.

– В любом случае это будет серьезный удар.

– Согласен, доктор Кауфман.

– Печально видеть, как человек, честно работающий над делом всей своей жизни, попадает под власть обстоятельств.

– Надо посмотреть, что можно сделать, – кивнул Мишенька.

И улыбнулся.

Мишенька Щеглов был молод и подчеркнуто элегантен. Темный костюм классического покроя, белоснежная сорочка, галстук, начищенные до блеска туфли и стильные квадратные очки – по какой-то, только ему известной, причине Мишенька не исправлял зрение, сохраняя дарованную природой близорукость. Щеглов походил на шалопая, сунутого высокопоставленным папашей на должность референта всесильного директора филиала СБА. На деле же Мишенька возглавлял Управление дознаний и был ближайшим, самым доверенным помощником Кауфмана, единственным человеком, которому дозволялось входить в кабинет Мертвого без доклада и даже в отсутствие хозяина.

– Ты обратил внимание на то, как ловко Моратти настоял на выбранной мишени? «Поплавки»! Не спорю – звучит весомо и с виду правильно. Однако граверов, способных сделать «поплавок», с каждым днем становится все больше, да и воруют процессоры отовсюду, откуда возможно. К тому же «поплавок» – покупка разовая, добытые чипы тритоны хранят как зеницу ока... А вот «синдин» из организма выводится. Тритонам хотя бы раз в неделю нужен шприц, в идеале – два раза в неделю. Если же они постоянно в деле – то каждый день.

Мертвый остановился и вопросительно посмотрел на помощника.

– Я уверен, что господин президент понимает ситуацию, – невозмутимо и даже несколько безразлично отозвался Щеглов. – И наверняка вплотную занимается «синдином». – Пауза. – Господин президент несколько предсказуем.

– Не согласен, – покачал головой Мертвый. – Моратти не предсказуем, просто мы не оставили ему выбора, и он вынужден стрелять по всем мишеням одновременно. Моратти боится того, что случится после запуска Станции. Он боится, потому что не знает, что произойдет. Он хочет сохранить влияние, а хаос, который несут тритоны Сорок Два – отличная страшилка для верхолазов. Новая энергия изменит мир, но он не перестанет быть цифровым. Именно поэтому Моратти хочет любой ценой получить контроль над Сорок Два – ему нужны козыри для будущей игры.

* * *

Территория: Россия

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13

Кодовое обозначение – «Станция»

Работа должна приносить удовлетворение

– Вы ошибаетесь!

– Мне жаль вас разочаровывать, господин Гвоздев, но мы никогда не ошибаемся, – ровно ответил Токмаков, не отрывая взгляд от монитора. – Не можем себе позволить.

Токмаков отчаянно напоминал Грегу Мишеньку Щеглова: та же тщательно культивируемая невозмутимость, тот же спокойный голос и аккуратные жесты. Впрочем, возможно, Токмаков и не копировал шефа, ведь все хорошие дознаватели чем-то похожи...

– А я говорю, что вы ошибаетесь, – дрожащим голосом повторил Гвоздев. – Господи, ну чем я должен поклясться...

– Если не хотите отвечать честно, не надо говорить ничего, – порекомендовал Токмаков. – Молчание не вызывает у меня раздражения.

Грег хмыкнул.

Гвоздев поник.

Он стоял в самом центре небольшой – три на три метра – клетки, установленной в одном из подвальных помещений Теплого Дома. Без одежды – на нем остались только трусы – и без надежды на спасение. Заинтересовать своей скромной персоной СБА и так-то считалось весомой неприятностью, а уж загреть во внутреннюю безопасность, да еще на разговор к самому Слоновски... Одним словом, Гвоздев отчаянно мечтал умереть – быстро и без мучений, но понимал, что для этого ему должно сильно повезти.

– Я – честный бизнесмен, – сглотнув, продолжил Гвоздев. – Вы можете проверить...

– Уже проверили, – рассеянно отозвался Токмаков, читая пришедшее от жены послание. – Ваше прошлое безупречно.

– Вот видите!

– Но есть нюанс, господин Гвоздев, – до сих пор честные бизнесмены не открывали в Кайфограде ночные клубы.

Поселок, что прилепился к восточной линии периметра, когда-то носил другое название, однако близость крупного строительства, а соответственно, большого числа высокооплачиваемых работяг превратили его в Кайфоград – центр ночных удовольствий, бесшабашный перекресток, на котором сплетались интересы бандитов и разведчиков. В Кайфограде все работали на всех и против всех – кто успеет вовремя заплатить, тот и получит приз. Бармены, сутенеры, пушеры – все торговали обрывками информации о Станции, сплетнями и слухами, а если не торговали, значит, покупали, являясь агентами какой-нибудь разведки.

Открытие в Кайфограде очередного ночного клуба не ускользнуло от внимания Слоновски – он вообще ничего не упускал. Грег велел уточнить, на кого работает владелец, и оставить человека в покое. Однако Гвоздев неожиданно заартачился, и в результате заработал путевку в Теплый Дом.

– Я открыл клуб на свои деньги!

– Да, да... конечно. – Токмаков выключил коммуникатор, откинулся на спинку стула и добродушно сообщил: – Знаете, господин Гвоздев, вы меня утомили. Поэтому допрос продолжит мой помощник... Он, правда, не разговорчив, зато весьма зубаст...

Пленник побледнел. Грег зевнул.

Грегуар Слоновски оказался на тринадцатом полигоне через полгода после того, как президент «Науком» Холодов сообщил верхолазам об открытии новой энергии и призвал объединить ресурсы корпораций для строительства экспериментальной Станции. Щедрое предложение сопровождалось двумя условиями. Во-первых, Холодов настоял на том, чтобы безопасность объекта обеспечивал московский филиал СБА – этим ходом президент «Науком» спас Кауфмана от отставки и даже упрочил положение московского директора в СБА. Во-вторых, Холодов сказал, что намерен сохранить технологию в тайне вплоть до запуска Станции. Верхолазы, в свою очередь, выразили законное желание получить гарантии того, что их не попытаются надуть. После ожесточенных споров стороны договорились создать небольшую научную группу, члены которой получили доступ ко всем секретным разработкам «Науком»

и подтвердили главам корпораций существование революционной технологии. А после остались строить Станцию, добровольно заточив себя в «Науком» до ее запуска.

Эти глобального характера события и занесли Слоновски на север.

Грег натащил для Кауфмана нового начальника Отдела прямых переговоров, передал дела, взял сто пятьдесят ребят и поехал в «самое важное на Земле место».

Так называл стройку Мертвый, а Мертвый громкими фразами не бросался.

«В ближайшее время, Грег, на Станцию будут смотреть из каждого окна, через каждую щель в заборе. Газетчики и разведчики. И я хочу, чтобы все они видели большую фигу. Твою фигу. Задача ясна?»

«Вполне».

«Сплети сеть с мелкими ячейками и дави всякого, кто попадется. А попасться должны все. В этом заключается твоя единственная обязанность».

Официально первым человеком на Станции считался Алексей Прохоров, бывший начальник Департамента безопасности коммуникаций московского СБА. Миротлюбивое название прежней должности не вводило знающих людей в заблуждение – Прохоров занимался оборонными системами: границами Анклава и особо охраняемых зон, средствами ПВО, одним словом, был крупным специалистом по созданию периметров безопасности, что на первых порах и требовалось от главного бежа Станции.

Прохоров превратил объект в крепость, полностью отрезанную от внешнего мира. В Москве его называли комендантом (в ранге первого заместителя директора московского филиала СБА), однако Моратти, изо всех сил пытающийся вбить клин между Кауфманом и его людьми, придумал для Прохорова другой титул – директор филиала СБА «Станция», намекая, что Алексей может поставить вопрос о переподчинении непосредственно Цюриху. Усилия пропали даром: Прохоров входил в узкий круг ближайших помощников Мертвого, в число тех, кто знал об истинном предназначении Станции, и купить его такой мелочью, как карьерный рост, было невозможно. К тому же Моратти не учитывал присутствия на Станции Слоновски, преданного Кауфману больше, чем Мертвый был предан самому себе.

Оказавшись на севере, Слоновски привычно занял должность скромную и неприметную – пятый заместитель коменданта, начальник Управления внутренней безопасности. Именно внутренней, а не собственной – простое изменение названия позволило Кауфману наделить Слоновски самыми широкими полномочиями. Помимо заботы о чистоте рядов – Отдел собственной безопасности входил в структуру Управления, – Грег закрывал все запретные зоны, находящиеся внутри Станции: особо секретные производства и строительство главного энергоблока. Кроме того, Слоновски полностью контролировал связь с внешним миром, занимался контрразведкой и даже силовыми операциями на сопредельной территории. Через три месяца пребывания на севере в прямом подчинении Грега находилось уже полторы тысячи человек, и скучать ему не приходилось.

Тринадцатый полигон «Науком» располагался на территории России, договоренности о его безопасности заключались на самом верху, между Холодовым и русским президентом. Однако Кауфман, которому требовались настоящие гарантии, провел переговоры с директором ОКР – самой весомой федеральной структуры, и в результате вокруг Станции появилась особая зона, которую контролировала армейская дивизия. Но даже такое прикрытие не гарантировало отсутствия проблем. Местный губернатор Блиндиев и его сюзерен, северо-западный наместник Каркадоев, организовали весьма доходный бизнес, помогая всем разведкам, стремящимся проникнуть на Станцию. А за дополнительную плату не гнушались устраивать провокации и даже диверсии. Приструнить их не получалось: и Блиндиев, и Каркадоев входили в могущественный клан Чапчарой, что гарантировало им полную безнаказанность. Несколько раз Слоновски собирался прикончить вредных вельмож, однако сдерживался: наследники продолжали бы дело безвременно почивших папаш, но при этом затаили бы злобу. А платить чап-

чаройцам за спокойствие Кауфман не позволял, он предпочитал держать своих людей в тонусе, и вялотекущая конфронтация Мертвого вполне устраивала.

– Не надо! Умоляю! Не надо!!

Гвоздев вцепился в прутья решетки, то ли сломать пытается, то ли отогнуть... Вырваться хочет. Очень хочет вырваться на свободу. Глаза выкачены, рот перекошен, красное от надрыва лицо, слезы, сопли.

– Не надо!!!

А в другом углу клетки замер сторожевой терьер Мутабор – здоровенная, стокилограммовая зверюга, уже начинающая проявлять интерес к бьющемуся в истерике человечку.

– Я составил его психологический портрет и понял, что господин Гвоздев до колик боится собак, – негромко сообщил Токмаков, раскуривая сигарету. – Терьер в клетку как раз то, что нужно. Я думаю, господин Гвоздев продержится не более четырех с половиной минут.

– Главное, чтобы терьер продержался и не порвал урода, – пробурчал Грег.

– Рекс не подведет, – пообещал приведший пса кинолог. Помялся, но все-таки набрался храбрости спросить: – Мне покурить можно?

– Дыми, – махнул рукой Слоновски.

Тем временем Рекс решил познакомиться с соседом по клетке поближе и, внимательно пригнувшись, сделал пару шагов к Гвоздеву. Крики «Не надо!» сменились бессмысленным воем. Обезумевший от страха пленник не видел, что собака настроена миролюбиво, забыл, что сторожевые терьеры Мутабор отличаются огромной выдержкой, что силу свою гигантскую понимают, а потому просто так не бросаются. Гвоздев видел огромного пса, зубы, красноватые глаза, шипастый ошейник и движение... Гвоздев видел, что собака приближается, и...

– А-а!..

– Интересно, он идейный или его запугали?

– Скорее запугали, – подумав, ответил Грег. – Идейных сейчас мало.

– Китайцы, – простонал Гвоздев, вжимаясь в прутья решетки с такой силой, словно решил их продавить. – Деньги на клуб мне дали китайцы.

Токмаков посмотрел на часы.

– Три минуты и двадцать секунд.

– Я могу забрать Рекса?

Терьер с надеждой посмотрел на хозяина – ему было скучно.

– Конечно.

– Пусть скажет, кто его связной и убирается ко всем чертям, – распорядился Грег и повернулся к выходу.

Несчастный Гвоздев еще не понял, что быть в Кайфограде агентом – не исключение, а норма. На китайцев ты работаешь, на индийцев, американцев, арабов, русских – преследовать тебя не будут, ибо с тем же успехом можно попытаться вычерпать море. Слоновски просто хотел знать, под чьей ты крышей – когда-нибудь эта информация обязательно пригодится.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Царское Село

Жилой комплекс «Замок Снежной Королевы»

Поиски в пустоте дарят лишь усталость

Мелкий весенний дождь призрачной изморосью долбил Москву. Время веселых майских гроз прошло, и теперь облака выдавливали из себя последние капли, которых едва хватало на

то, чтобы припорошить темным асфальт да слегка умыть толстые стекла. Хилый дождь уходил, оставляя Анклав под властью наступающей летней жары, уходил, обещая вернуться осенью, чтобы тщательно прочистить Москву перед зимой. Весенние дожди полны сил и веселья, осенние же, подобно людям пожилым и серьезным, не поливают, а работают, их стихия – сосредоточенность.

Стоящая у окна Пэт улыбнулась, провожая арьергард уходящей весны, и тихонько спросила:

– Увидимся?

Дождь промолчал. То ли не знал ответ, то ли не рискнул. Попрощался последними каплями да растаял.

«А ведь можем и не увидеться...»

Пэт перевела взгляд на кисти рук, на черные руны, небольшие, но четко очерченные руны, что мягко скользили по ее пальцам. Менялись местами, складывались в новые комбинации, замирали, позволяя девушке проникнуть в тайну сформированной последовательности, насладиться красотой и мощью древней силы, и снова путались, перебегали с пальца на палец, чтобы вновь замереть. Иногда казалось, что по рукам Патриции стекает грязь. А иногда совершенство очередного узора щемило душу.

Руны открывали девушке тайны, но главный свой секрет пока хранили. Для главного секрета нужен ключ...

– Патриция!

Последний взгляд на руки, в глазах вспыхивает властный огонек, и руны послушно бледнеют, исчезают, словно их и не было.

Пэт обернулась:

– Да?

Таисия хрустнула пальцами:

– Ты стояла у окна, и мне вдруг показалось, что ты сейчас уйдешь. Что хрупкая стеклянная преграда рухнет и тьма кинжалом вонзится в нежный мир. – Она подошла ближе и взяла девушку за руку. – Мне показалось, что все будет разрушено.

– Тебе просто показалось, – улыбнулась Пэт.

– Я чувствую, как твои мысли уносятся в сверкающие дали. Как мчатся они, опережая одна другую, способные за секунду обогнуть Ойкумену. Я сама такая. Ты ведь знаешь. И мне бы очень хотелось, чтобы наши мысли мчались вместе. На крыльях ветра свободы, окутывающего настоящих творцов.

Пэт познакомилась с Таисией Кук чуть меньше месяца назад на приеме в честь дня рождения директора «МосТех» и сразу же ощутила то настырное давление, которое госпожа Кук называла «природным обаянием». Светская львица всерьез увлеклась юной красавицей и, не теряя времени даром, засыпала Пэт знаками внимания: невинные, но чертовски дорогие подарки, приглашения на выставки модных художников, на концерты и в литературные салоны. Таисия штурмовала девушку по всем правилам военного искусства, а Пэт... Пэт медлила обрывать знакомство. Таисия выделялась среди других одуревших от скуки верхолазок, и, возможно, в болоте этой непохожести прятался необходимый ключ.

Правда, надежда на это таяла с каждой минутой.

– Ты напоминаешь мне меня, какой я была совсем недавно, год или два назад. Молодая, неопытная, ищущая, но при этом – цельная. Я твердо знала, чего хочу, и ты, я вижу, такая же. У тебя есть цель, а свою цель я знала с самого детства. Я почти сразу ощутила себя Творцом, личностью с особым взглядом на мир, но как же трудно мне было расти в мире, где женщина не имеет права на самовыражение!

Через пару дней после знакомства Кирилл принес дочери досье на Таисию.

«Посмотри, если станет интересно».

«Зачем?»

«Ты еще плохо разбираешься в людях. Изучи факты, сопоставь с человеком. В следующий раз ты увидишь его Я и без документов».

Знать все обо всех было в духе Грязнова, и Пэт постепенно становилась похожей на отца.

Из досье девушка узнала, что Таисии, дочери мелкого капера из Эдинбурга, повезло влюбиться в себя сына весьма и весьма крутого верхолаза. После чего жизнь, собственно, и удалась. Муж боготворил творчески одаренную супругу и позволял Таисии жить так, как ей заблагорассудится. Очередная пустышка? Сомнений в этом практически не осталось, но Пэт решила дать светской львице последний шанс. В конце концов, Таисия действительно была своеобразной особой.

– Как раз сейчас я взялась за поэму. За поэму, Патриция, за поэму! У меня были наброски, но теперь я хочу разложить их на строки... Нет! Даже на слова! На буквы! И собрать новое целое. Я дни напролет провожу в кабинете, обдумывая образы, что посещают меня, и вплетаю их в картину... Да, Патриция, я уже вижу, как из старых моих набросков появляется величественный корабль нового полотна. Старые наброски, такие наивные... Я начала эту поэму, когда мне было девять лет. Я помню, как родилась первая строка. Она меня очаровала. Я написала ее на коммуникаторе и почти час думала о ней. Уже тогда я знала, что не скоро завершу грандиозный труд, совсем не скоро. Я предвидела, что мне потребуются годы, в течение которых я буду оттачивать мастерство, но однажды... Теперь я перечитываю наброски и понимаю, что уже тогда, в юности, я видела элементы того великолепного полотна, которое выходит сейчас из-под моего пера. Теперь я смотрю на мир новым взглядом, я жгу многие старые наброски, недостаточно сильные и яркие, но дым не исчезает, а обволакивает мою поэму, показывая всем, какой я была и какой стала...

Таисия называла себя писательницей, периодически издавала за счет мужа тоненькие книжки путаных стихов и странные романы, главным достоинством которых были прилагательные – в одном из предложений назойливый критик насчитал их целых пятнадцать.

– В моей поэме будут только личности, яркие, красочные образы и многовариантность событий! Я поняла, что в настоящем творчестве нет места убожеству. Я поняла это в горах. Я рассказывала тебе? Я провела два месяца на своей вилле в Кордильерах. Горы не похожи друг на друга. Мне ближе Кордильеры – дикие, необузданные, смелые! Я впитывала в себя их величие и поняла, что главное – перспектива! Глубина и ширь! Простор! Я поняла простор. Путешествия сильно влияют на творческое развитие, когда-нибудь, Патриция, ты меня поймешь. Ты должна поехать со мной в Ланданабад. Мне нужно напитать творчество новыми красками, расцветить его. Я мечтаю стоять с тобой на берегу Темзы и смотреть на величественное здание Вестминстерской мечети. Ты была в Ланданабаде?

– Не сейчас, – мягко ответила Пэт. – Я еще не готова.

– Почему? Ты ведь вот-вот окончишь Университет, избавишься от якоря, удерживающего тебя в этой серой и скучной Москве, и мы вместе отправимся путешествовать по миру. Я хочу показать тебе великие города. И еще горы. Горы гениально меняют сознание Творца. Ты приходишь в них одним человеком, а возвращаешься иным. Еще лучше понимаешь свое Я, видишь мир иначе, под следующим углом, четко понимаешь совершенно туманные раньше вещи. Я всегда была натурой цельной, устремленной, я выбрала свой путь в детстве и шла, не сворачивая. Годы, даже десятилетия. Меня совершенно нереально сбить с пути. И всегда была уверена, что дойду. Я не лгу, потому что мне незачем и не перед кем лгать...

– Я говорила с отцом, он просит обождать с путешествием хотя бы месяц.

– Патриция, это невозможно! Ты должна поставить его на место. Эти мужчины... я рассказывала, в каких нечеловеческих условиях росла? Раз ты женщина, значит, ни на что не способна. Корпорацию должен унаследовать сын. Я не была сыном и всегда чувствовала презрительный взгляд отца. Ты должна освободиться. – Таисия взяла девушку под локоть, при-

близилась еще на полшага, обожгла дыханием. Шепчущие губы совсем рядом. Глаза в глаза. Локон упал на лоб. – Я невероятно счастлива, что познакомилась с тобой, сумела тебя увидеть и почувствовать. Мы избранные, ты и я. Нам суждено быть вместе. Я знаю, что теперь ты никогда не покинешь мое сердце и душу. Потому что столько любви, счастья, света и снова любви, сколько я чувствую к тебе, я никогда не испытывала. Ты меня любишь?

Я – сверхновая звезда.

Точнее, мне сказали, что я – звезда. И еще сказали, что рано или поздно я это осознаю. И еще сказали, что, когда я осознаю, – я проснусь и в тот же миг из моей жизни исчезнет понятие «невозможно».

Из моей жизни, которая не будет долгой.

И поэтому я боюсь.

Я боюсь проснуться, но понимаю, что в этом случае умру еще раньше. Потому что не стану звездой. Я осознала свою силу и свою власть, но еще не поняла саму себя. Я должна вспыхнуть ярче всех звезд Вселенной, но еще не отыскала ключ к своей душе. Мотыльком устремляюсь я к любому огоньку, готова сгореть в нем, чтобы проснуться, но всякий раз натываюсь лишь на отражение настоящего пламени.

И теперь боюсь, что ключа нет нигде...

– Мы с тобой – Творцы, способные создать Вселенную. Но нам дано слишком мало времени, чтобы так много успеть. Мы не должны тратить его ни на что, кроме полноценной жизни. Мы должны ценить каждую минуту, наслаждаться ею. Наслаждаться вместе с тем, кого любишь, в кого веришь.

Губы скользнули по шее.

Пэт отступила на шаг и покачала головой.

– Нет.

– Нет?

Нет искры, нет пламени, нет ключа. Яркие слова прикрывают пустоту тучи, которая улетывает сейчас из Москвы. Нет дождя, что хлестнул бы по душе резкими каплями.

В глазах Таисии мелькнула злость.

– Я надеялась, что мы одинаковые! Но ты... Но ты! Ты совсем не такая! Ты только притворяешься нежной, утонченной натурой!

– Извини.

– Извинить?! – Grimаса вновь превратилась в улыбку. Немного натянутую, правда, но все-таки улыбку. – Я чувствую глубочайшее разочарование, но вижу, что это не ты – это порыв. Я культивирую в себе счастье и добро. Я могу поделиться ими, ты кажешься опечаленной. Ощущение радости не берется вдруг, позволь, я научу тебя.

– Присядем? – Пэт увлекла женщину на софу.

– Конечно. – Улыбка Таисии стала более естественной. – Мне кажется, здесь слишком яркий свет. Мы совсем забыли о вине... – Рука скользит по плечу. – Твой порыв испугал меня, ты такая... такая сильная...

– Я знаю.

На пальцах вновь появились руны. Черные символы, видимые только Патриции. И беспрекословно подчиняющиеся ей. Взглядом, одним только взглядом девушка сложила символы в нужную последовательность и мягко провела рукой по лбу Таисии.

– Кажется, ты устала.

Фраза осталась без ответа: женщина уснула в тот самый миг, как ее коснулась Пэт.

Обмякшее тело, ровное дыхание, тишина... Отличный момент, чтобы уйти, не прощаясь.

* * *

*Территория: Европейский Исламский Союз
Баварский султанат
Франкфурт-Копенгаген, в воздухе и на земле
Наказание не всегда соответствует проступку*

- Курс проложен?
- Так точно.
- Встреча?
- Отряд спецназа Европол.

Карл Мэнсон, заместитель директора франкфуртского филиала СБА, провожал груз лично – все-таки пять тысяч «поплавок». Предназначались они расположенному под Копенгагеном научно-производственному комплексу имени Махмуда Кемаля, одному из трех центров Баварского султаната, имеющих лицензию на работу с самыми мощными процессорами современности. В Анклавах их называли «помойками». Государства щедро финансировали подобные комплексы, надеясь если не догнать, то хотя бы не сильно отстать от корпораций в технологиях, однако выпускаемое в центрах «новейшее» оборудование не отвечало жестким стандартам Анклавов, хотя и пичкалось самыми современными комплектующими. В том числе – «поплавками», доставка которых в научные комплексы являлась для СБА лишней головной болью.

- Коды сменили?
- Девять минут назад.
- Хорошо.

Груз отправлялся транспортным «Ка-95» «Толстяк» производства «Науком». Согласно сопроводительным документам, вертолет совершал плановый рейс с военной базы под Загребом в Познань с дозаправкой во Франкфурте. По мнению Мэнсона, это был лучший вариант, нежели предложенный изначально эскорт из двух истребителей – тайна хранила груз лучше любого силового прикрытия.

- Говорит борт 4344. Прошу разрешение на взлет.
- Даю разрешение на взлет.

Мэнсон посмотрел на оторвавшуюся от земли машину и хмыкнул:

- Все. Теперь это не наша проблема.

Даже в оцифрованном мире, в безбрежном информационном океане, повелителями которого не без оснований чувствовали себя тритоны Сорок Два, им было доступно далеко не все. Да, ломщики могли проскользнуть в самую защищенную сеть, однако любой из них, даже самый опытный, даже тот, у кого в голове жужжит «поплавок», а в крови бурлит «синдин», оставит следы, которые укажут, что информация перестала быть секретной. Именно поэтому далеко не все тайны попадали в сеть. И именно поэтому тритоны высоко ценили предателей, готовых передать нужные сведения с помощью обычного звонка.

Среди работающих на корпорации и государства машинистов хватало тех, кто разделял идеи Поэтессы. Собственно, практически все машинисты планеты читали «Числа праведности». На некоторых книга не произвела особого впечатления, другие увлеклись, стали правоверными нейкистами, и уж совсем немногих «Числа праведности» сделали фанатиками, разделяющими радикальные убеждения Сорок Два. Именно они, готовые пожертвовать всем ради торжества идеи, и составляли «пятую колонну» движения.

Едва вертолет поднялся в воздух, из штаб-квартиры франкфуртского СБА ушло короткое невинное послание, неспособное вызвать никаких подозрений. Оно было принято и тут же переслано на незарегистрированный коммуникатор, лежащий на столе перед Пумой.

– Птичка вылетела.

Связь с Крюгером Ева держала через «балалайку», поэтому он прекрасно слышал произнесенную фразу.

– Отлично!

Пума покосилась на склонившуюся над «раллером» Красную.

– Мы начинаем!

– Мы готовы.

Когда-то давно, можно сказать – в древности, перехват управления вертолетом или машиной считался возможным лишь в приключенческих фильмах. Драматурги охотно вставляли интригующие эпизоды в сценарии, искренне полагая, что рано или поздно подобные фокусы станут если и не обыденным явлением, то вполне возможным. И не ошиблись. Совершенствование бортовых компьютеров привело не только к улучшению управляемости и повышению безопасности полетов, но и снизило роль пилота, что открыло широкие возможности для ломщиков. Фактически им требовалось только одно: пробиться в канал связи вертолета с землей. Задача непростая, но учитывая, что в «раллерах» Евы и Розы пряталось по двенадцать «поплавков», еще два сидели в «балалайках», а программы были написаны самим Сорок Два – вполне решаемая.

В итоге бортовой компьютер «Толстяка» потерял невинность именно там, где хотели Красная и Пума.

– Внимание! Говорит борт 4344! У меня нештатная ситуация!

И почти сразу же в «балалайку» Мэнсона пришел вопль от машинистов:

– Перехват управления! Они подключились к нашему каналу!

– Вырубите связь!

– Поздно!

– Говорит борт 4344! Полная потеря управления!

– Переходите на ручной режим!

– Я заблокирован!

– Мы не можем вышибить их из компьютера «Толстяка»!

– Перезагрузитесь! Есть же резервный компьютер!

– Не получается!

– Это наверняка нейкисты! – скрипнул зубами Мэнсон. – Тритоны!

А кто еще мог преодолеть защиту, которую обеспечивали лучшие машинисты СБА и Европола? Только те, кто вставлял в «балалайки» самые мощные процессоры современности, разгоняя свое сознание в цифровое торнадо.

– Я сажусь! – завопил пилот. Больше ему ничего не оставалось. – Я их вижу!

– Лично тебе ничего не грозит!

– Если не будешь сопротивляться, – добавил Карл и побрел в кабинет: предстоящую свистопляску имело смысл встретить стаканчиком виски.

Посадку стремительно снизившийся вертолет совершил неловко. Грубовато совершил, если быть до конца откровенным – остался без левого шасси, едва не перевернулся, чудом удержав горизонт, а напоследок ткнулся носом в оказавшийся на пути камень. Однако полученные машиной или ее пилотом повреждения никого не интересовали. Главное, что «Толстяк» сел именно там, где и было запланировано.

– Птичка в точке! – сообщил Крюгер.

– Извлекайте, – распорядилась довольная Ева и вызвала Сорок Два: – У нас все отлично.

– Вертолеты с группой захвата будут на месте через пятнадцать минут!

– Слишком поздно!

– Европол объявил тревогу. Они перекроют дороги...

– Нейкисты наверняка продумали пути отхода.

От Мэнсона пахло виски, но Карлу было плевать на то, что подумают подчиненные. И на то, что они сообщат в собственную безопасность, – на все плевать. Пять тысяч «поплавок» уплывали из-под носа благодаря...

– В нашем филиале сидит «крыса». Тритоны знали, что готовится поставка.

К сожалению, это открытие вряд ли спасет карьеру. «Крысой» займутся другие люди, а ему придется перекладывать бумажки в каком-нибудь заштатном отделе...

– Господин Мэнсон!

– Что?! – рявкнул Карл.

– Есть хорошие новости, – негромко ответил машинист. – На самом деле – хорошие.

Грузовой люк «Толстяка» открыла сидящая во Франкфурте Красная. Дала соответствующий приказ бортовому компьютеру, и пещера Аладдина распахнулась. Через несколько секунд машинистам СБА удалось отрубить нейкистов от канала и вернуть контроль над вертолетом, но исправить ситуацию они уже не могли: люди Крюгера заблокировали люк и принялись вытаскивать из трюма контейнеры с «поплавками». А сопровождающие груз полицейские просто подняли руки: из закрытой машины они бы пострелять согласились, но при распахнутом люке грузовой отсек «Толстяка» превращался в тир.

– Пятьдесят секунд!

Внешне Крюгер оставался спокоен – командовал четко, двигался неторопливо, однако в его душе играли фанфары: «Получилось!» План сработал на все сто, и Ян был уверен, что теперь им ничего не помешает.

– Сорок секунд!

Следить за слаженно действующими ребятами не было необходимости. Крюгер оглядел поле, на которое сел вертолет, опушку леса, поднял взгляд выше и...

И громко выругался:

– Что за?..

Разрабатывая план захвата, Красная, Пума и Крюгер предусмотрели все. Досконально изучили маршрут вертолета, прикинули, когда он окажется на максимальном удалении от военных баз и крупных полицейских участков. Подобрали подходящую площадку. Тщательно рассчитали время. Придумали, как уйти от облавы, которая начнется, едва «Толстяк» потеряет управление. Красная, Пума и Крюгер не учли одного: Его Величество Баварский султан Махмуд V обожал парашютные войска.

Еще будучи наследным принцем, Махмуд лично возглавлял сначала бригаду, а после – все парашютно-десантные части султаната и до сих пор оставался их почетным командующим. Десантники получали наилучшее обеспечение, самое высокое в армии содержание, были обласканы двором, но при этом – не доведены до положения «паркетной гвардии». Султан с гордостью вспоминал тяготы военной службы, через которые ему пришлось пройти по приказу сурового отца, и требовал, чтобы его любимые войска были готовы в любой момент выполнить любую поставленную задачу. Марш-броски и учебные рейды всегда проводились неожиданно – приказ мог прийти в любой момент, – и выполнялись они в полном боевом снаряжении.

Учсть, когда и где будут тренироваться любимцы султана, Красная, Пума и Крюгер не могли.

Им просто не повезло.

Два тяжелых вертолета, соответственно – два взвода минимум. А если они забиты под завязку...

Впрочем, подсчитывать количество появившихся врагов Крюгеру было некогда. Зависшие над полем «Толстяки» не только выплевывали десантников, но и поливали свинцом в панике разбегающихся нейкистов. Шестиствольные «смерчи» трудолюбиво вспахивали землю, прикрывая рассыпающихся в цепь солдат. Сражаться? Как?! Крюгер ведь предполагал не ограбление, а захват, на всех нейкистов – пять «дрелей» да пара «дыроделов», чтобы напугать охранников. Поднять руки? Вряд ли поможет.

Крюгер видел, что парашютисты почуяли кровь и просто так не остановятся. Понимал это – сам прошел через армию, а потому отчаянно рвался к лесу, намереваясь укрыться за деревьями. Бежал, не боясь пуль, от которых его ребята, не имевшие столь ценного сейчас опыта, пытались укрыться на земле. Бежал, хотя видел, как избавившиеся от десанта «Толстяки» заходят навстречу, отсекая удирающих нейкистов от спасительного леса. Бежал...

А что ему еще оставалось?

Из тех, кто отправился брать «поплавки», только Ян знал, где прячется Сорок Два. И сейчас, под пулями, в его голове билась одна-единственная мысль: хватит ли сил раскусить ампулу с цианидом? Достаточно ли у него мужества и веры, чтобы умереть ради Сорок Два?

Глава 2

Анклав: Цюрих

Территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

Наличие полос не делает бурундука тигром

«По уточненным данным, во время нападения на конвой погибло двадцать четыре нейкиста, а не девятнадцать, как сообщалось ранее. Представители Европола заявили, что десантники действовали строго в рамках закона, и они благодарны армейскому командованию, которое обеспечило своевременную поддержку полиции и не допустило похищения крупной партии сверхмощных процессоров. В свою очередь, Карл Мэнсон, заместитель директора франкфуртского филиала СБА, подтвердил, что имела место утечка информации. „Мы проводим следственные мероприятия и уже арестовали подозреваемого...“»

– Вы обезумели? – Моратти тяжело посмотрел на экран коммуникатора, через который вел разговор. – Или вы издеваетесь надо мной?

Ответом стало гробовое молчание. Лица прячутся за безликими наномасками, выражений не видно, даже глаз не видно, однако Ник знал, что шесть его собеседников нервничают. Кто-то, возможно, вспотел. У кого-то, возможно, дергается глаз, или жилка на виске, или уголок рта. Кто-то, возможно, отвел взгляд, чтобы не видеть разъяренного президента СБА. Крутые ребята, но... недостаточно закаленные. Не сумевшие вырастить в себе такое же спокойное ощущение собственной силы, которое Моратти чувствовал, общаясь с главарями Ассоциации. В тех бандитах внутренняя мощь читалась даже через сеть. Прежде чем подняться на криминальную вершину, они плавали в крови и врагов своих рвали зубами. Они знали цену словам и себе самим, их на голос не возьмешь, не напугаешь. Эти же, прыгнувшие в серьезную игру из виртуального мира, до работоторговцев не дотягивали.

– Повторяю вопрос: вы обезумели? Какого черта вы устроили бойню в центре Европы? Что вы о себе возомнили?

– Бойню устроили парашютисты.

– Нашей вины в произошедшем нет.

– Это не наша операция.

– Вы знаете, кто пытался захватить «поплавки»...

– Вы знаете его лучше!

– Что?

– Сорок Два – ваша проблема! – взревел Моратти и врезал кулаком по столу.

И поймал себя на мысли, что ведет себя с лидерами dd, как с подчиненными.

«Куда катится мир? Почему мощную преступную организацию контролируют такие тряпки? Это и есть Эпоха Цифры? В которой любой слабак и предатель может оказаться на вершине? Ну ее тогда к черту! Я лучше поставлю на старых добрых волков».

Лидеры dd скрывали лица под масками, скрывали свое местонахождение, выходя на связь только по сети, однако Моратти знал их подлинные имена и биографии, которые практически ничем не отличались.

Все эти люди некогда были истинно верующими нейкистами, чьи логические цепи не выдержали прочтения «Чисел праведности». Все они отправились на Борьбу с Системой, возбужденно мечтая о наступлении Эпохи Цифры, и все они добровольно пошли в dd, «ибо насилие – это вынужденная и временная мера, которая позволит нейкизму выжить». Все нынешние лидеры dd изначально находились на вторых ролях – организация создавалась совсем другими людьми, – но постепенно, шаг за шагом, выходили в число солистов. Подставляли ножку кон-

курентам, демонстрируя их невысокие навыки. Сдавали их полиции. Нанимали убийц. Организация dd создавалась во имя идей Поэтессы, создавалась братьями для братьев, которые верили друг другу по умолчанию, а потому была уязвима для удара в спину. Нынешние лидеры dd не знали, что такое кровь, они устраняли врагов подлостью и обманом, с помощью клавиатуры, а не ножа, упиваясь своим умом и хитростью, но... но не обретая того стержня, что появляется у человека, видевшего смерть.

– Сорок Два – наша общая проблема, – заметил один из нейкистов. – Он неуправляем.

– Не управляйте им, а управьтесь с ним! Тритонов становится больше, вреда от них – тоже. И обвиняют в этом вас! Хотите полномасштабной войны? Вы ее получите.

– Достанется всем, – огрызнулся какой-то dd.

– Нам уже достается, – не стал скрывать Моратти. – Тритоны Сорок Два раскачивают экономику, устраивают хаос в сетях. Все идет к тому, что мы решим разобраться с вами, невзирая на потери. Догадываетесь, что вас ждет в этом случае?

Все прекрасно понимали, что драться в одиночку СБА не станет – ее поддержат все полицейские силы государств, – а этого вполне достаточно, чтобы стереть с лица Земли преступную организацию любого уровня. Войны с Ассоциацией, Консорциумом, Тριάдой или dd не начались именно по той причине, что «достанется всем», а на месте уничтоженного сообщества появится новое. Проще и выгоднее соблюдать определенные правила, не раздражая друг друга сверх меры. И в результате обещанной Ником «полномасштабной войны» dd не исчезнет – поменяет название и обретет новых руководителей. Закон рынка.

– Сорок Два – это не имя, а процесс, – заметил еще один обладатель наномаски. – Устранив его, вы ничего не измените.

– Процесс лишится имени – это уже серьезная победа, – отрезал Моратти. – Знаете, сколько движений погибло из-за того, что продолжатели оказывались недостойными основателя? Сорок Два – гений, флаг тритонов, олицетворение хаоса. Он должен быть уничтожен! Я не жду, что война закончится сразу, однако убежден, что она пойдет на спад.

В окружении великих людей нечасто находится место для столь же мощных личностей. Как правило, рядом стоят помощники. Верные. Преданные. Неспособные подхватить знамя.

– Мы пытались решить проблему Сорок Два.

– И что?

– Сорок Два нас не послушал, – неохотно ответил один из нейкистов.

Моратти с веселым удивлением приподнял брови:

– Неужели?

– Именно так.

– Почему же вы его отпустили?

– Мы...

– Вы прекрасно знаете, что мы не сумели его захватить, – оборвал приятеля другой лидер. – В сети полно информации о том инциденте.

– Кажется, я переоценил уровень вашей организации.

– Если не ошибаюсь, вы тоже пытались его поймать. И с тем же успехом.

– Разница в том, что Сорок Два не соглашается со мной встречаться. А значит, у меня не было возможности устроить ему качественную ловушку.

– Теперь мы в одинаковом положении – Сорок Два нам больше не верит.

Президент СБА весело рассмеялся. Один только Бог знал, какие усилия потребовалось приложить Нику, чтобы его смех прозвучал естественно, потому что бессилие напавших маски клоунов приводило Моратти в дикое бешенство.

– Знаете, о чем я думаю? Я думаю, что вы тут сидите, рассказываете мне о том, что не способны ничего сделать, а Сорок Два тем временем подбирается к вашему бизнесу. Я думаю,

что вы теряете вес среди нейкистов, и очень скоро мне придется говорить с другими людьми. Точнее, не придется, потому что Сорок Два настроен весьма радикально.

– Наша организация не настолько зависима от нейкистов.

– То есть у вас хватило ума почистить ряды?

Отвечать на скользкий вопрос лидерам dd не хотелось, однако и деваться им было некуда: опытный волк сумел превратить их во вполне управляемое стадо.

– Мы постарались минимизировать влияние Сорок Два на наш бизнес.

– Постарались?

– В каждую душу не заглянешь.

– Тоже верно. – Ник достал сигару, щелкнул гильотиной, раскурил, откровенно наслаждаясь ароматом. Дрессированные бандиты послушно ждали продолжения разговора. – Подключайте всех своих осведомителей, покупайте новых, делайте что хотите, но вы должны принести мне голову Сорок Два. Совещание окончено!

* * *

Анклав: Москва

Территория: Университет

Настроение приподнятое

Яркий весенний день идеально подходит для праздника

– Итак, коллеги, я считаю, что работа Патриции Грязновой заслуживает высшего балла. А если учесть заложенные в ней оригинальные идеи, можно говорить о том, что сделан отличный задел на будущее. Я не удивлюсь, если поднятые Патрицией темы получают развитие...

– Об этом пока рано говорить, – строго заметил оппонент.

– Я высказал свое мнение.

– Постарайтесь не перехвалить соискателя.

– Не смогу это сделать при всем желании.

Пэт с трудом сдерживала улыбку.

Она знала, что произвела впечатление и ее диплом будут ставить в пример не одному поколению студизусов, как-никак – лучшая на курсе. Маленькая поправка: на всех курсах.

Мы берем время займы, а потому его всегда не хватает.

Кирилл сказал, что на учебу у нее есть три года.

«И не месяцем больше, дочь, через три года у тебя будет много важных дел».

«Не останется времени на учебу?»

«Нет, к этому времени ты должна будешь выучиться».

Он сам составил для Пэт зубодробительную программу, основной упор в которой делался на теорию управления. Настоял на дополнительных лекциях по ряду дисциплин. Быть лучшей не требовал – к этому Пэт пришла сама. Не сразу, но пришла, когда поняла, чего именно добивается Кирилл. Когда окончательно осознала, к чему он ее готовит. И теперь, стоя на кафедре и глядя на лучших профессоров Университета, Пэт чувствовала гордость. Не заносчивое высокомерие, а законную гордость. Она справилась. Она справилась на «отлично». Но самое главное – она справилась сама, ни разу не воспользовавшись подвластными рунами.

«Я – человек! Я могу сама!»

И в этом – смысл.

– Господа оппоненты, у вас остались вопросы?

Господа оппоненты переглянулись, пошептались, после чего самый въедливый из них поднялся и с улыбкой произнес:

– Мы рекомендуем поставить высший балл.

«Ура!»

Московский Университет, главное и единственное учебное заведение Анклава, занимал обширную площадь: многочисленные учебные и лабораторные корпуса, несколько самостоятельных кампусов, опытные площадки, спортивные зоны и парки. Он представлял собой небольшой город, со своими легендами, тайнами и целой кучей «особых мест». Однако самым любимым из них была обзорная площадка на Воробьевых горах, с которой открывался замечательный вид на Анклав.

Здесь они и договорились встретиться. Пэт специально просила друзей не сопровождать ее на защиту – не хотела получать стандартный набор ободрений и напутствий, зато теперь, когда все осталось в прошлом, а на плечах развеивается невидимая, но ощущаемая мантия магистра, девушке требовалось поделиться радостью.

– Эй, студизусы! – «Судзуки Плутон», которым Пэт управляла с необычайным искусством, заложил крутой вираж и встал как вкопанный. – От зубрежки не офигели?

«Студизусов» оказалось много, не меньше сотни парней и девчонок, с которыми Пэт сидела на лекциях и в библиотеках, трепалась в кафешках и веселилась в клубах. Некоторые стояли настолько близко, что могли называться друзьями, имен некоторых Патриция не помнила, но ей было приятно видеть всех. И еще ей было приятно осознавать, что многие по каким-то причинам не сумели прийти на встречу, но обязательно подтянутся к празднику. Чтобы порадоваться вместе с ней.

– Привет!

– Кто говорит?

– Магистр, черт бы вас всех драл!

– Она сдалась!

– Поздравляем!

Хлопнула первая пробка шампанского.

– Патриция, мы так рады!

– За тебя!

Девушку окружили друзья. Веселые лица, радостные улыбки, возгласы, вино, льющееся в пластиковые стаканчики.

– Это нужно отметить!

– Сегодня вечером в «Стоп-кране»! – громко объявила Пэт.

– А кто приглашен?

– Все!

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз

Ульм, Баварский султанат

Ресторан «Весельная лодка»

Общие интересы сплавивают самых разных людей

– Ты еще скажи, что он летать умел!

– Не умел.

– Вот и не ври!

– Я не вру!

Столики в «Лодке» отделялись друг от друга прикрепленными к потолку рыбацкими сетями, очертания крикунов они скрадывали, однако на слышимость не влияли. Впрочем, о том, что вечерок под пиво и свиные ребрышки коротали именно машинисты, можно было

без труда догадаться по диалогу. Один лохматый, собирающий волосы в хвост, и двое бритых наголо, «под Сорок Два». Судя по деловым костюмам – не ломщики, а законопослушные подданные Махмуда V, честные ребята, закончившие очередной рабочий день в каком-нибудь офисе.

– Это, между прочим, одиннадцатый официально подтвержденный подвиг Чайки, – возмутился несправедливо обиженный рассказчик. – Можешь сам проверить!

– Угу, – коротко поддержал его бритый приятель. – Все верно.

«Весельную лодку» машинисты облюбовали давно и навсегда, едва ли не с самого открытия, то есть лет тридцать назад. А до того собирались в «Эдельвейсе», что на той стороне реки, пока он не стал халяльным... Впрочем, об «Эдельвейсе» уже мало кто вспоминал, кому он нужен со своим кебабом? А уютную «Лодку», расположенную на самом берегу Дуная, с полудня и до закрытия наполняли цифровые сплетни, треп о сетях и каналах связи да рассказы заезжих ломщиков. Непонятные разговоры фанатов бинарного кода отпугивали обычных жителей Ульма, однако хозяева «Лодки» не жаловались: честные машинисты ребята денежные, на предприятиях их ценят, платят как положено, и евродины, что сыпались в кассу, с лихвой компенсировали отсутствие других клиентов.

– Кто же этот подвиг подтвердил? СБА? – Лохматый никак не мог унять.

– В том числе и СБА, – кивнул рассказчик. – После того как великие исчезли, люди начали описывать их деяния. Кое-что рассказали помощники, а кое-что – СБА. Неофициально, конечно, зато сведения надежные: и в СБА, и в корпорациях работает много братьев, которые и помогли с информацией. Они рылись в архивах...

Сидящий за соседним столиком Шмейхель с интересом прислушивался к спору. Виду не показывал – принимать участие в разговоре в его планы не входило, – однако старался не упустить ни слова. Шмейхеля развлекали цветастые подробности, которыми насыщали повествования такие вот застольные рассказчики. Подробности всякий раз разные и с каждым годом – все фантастичнее. Рассказы о подвигах знаменитых ломщиков обрастали таким количеством деталей, что становились похожими на эпические саги.

– С китайцами Чайка отработал идеально. Обычно операции готовят недели, а то и месяцы, но в Шанхае на каждом углу полиция или безопасность, работать почти так же сложно, как в Москве. Поэтому Чайка сказал, что сделает все без подготовки.

– И сделал?

– Он же один из великих! – не удержался от восклицания рассказчик. – Чайка «поплавок» в «балалайку» вставлял, когда о троице никто и не слышал!

– А это здесь при чем?

Однако недоуменный вопрос лохматого остался без ответа.

– Короче, все ждали, что парень будет искать толстый шнурок, а он заходит по поддельному пропуску в небоскреб «NDC», садится в лифт, нажимает кнопку последнего этажа и по дороге взламывает его.

– Лифт?

– Ну не кнопку же! – Рассказчик смаковал подробности. Похоже, он не раз подумывал о том, чтобы самому стать ломщиком, распрощаться с обыденностью, стать вольным охотником, но... но постоянно находил причины этого не делать. – Все, что требовалось Чайке, – оказаться одному в лифте, и когда кабина добралась до верхушки небоскреба, он уже контролировал ситуацию. Переключил лифт на самую медленную скорость, вставил в «балалайку» «поплавок», поехал вниз и по дороге распотрошил внутреннюю сеть корпорации.

– Из лифта?

– Ага.

– И его не засекли?

– Пока они поняли, что их ломают, пока сообразили, что их ломают прямо из небоскреба, пока вычислили точку... Короче, Чайка выудил все секреты корпорации, вышел из лифта на последнем подвальном этаже, где его ждали помощники, и ушел через канализацию. Скандал был чудовищным. Вскрылась связь «NDC» с китайцами...

«Все верно, – отметил про себя Шмейхель. – Как ни странно, все верно, от первого до последнего слова. Ни одной лживой детали, рассказано как есть, а потому – абсолютно неинтересно. Публике нужен герой, а не сухие факты».

Которые заключались в том, что результатом той атаки стало уничтожение целой корпорации – редчайший случай в истории Анклавов. И последний. Выдающиеся подвиги остались в прошлом, там же, где и великие. Странно, если вспомнить, что троица Сорок Два превращала любого заурядного ломщика в не знающего преград цифрового монстра. «Поплавок» в голову, еще несколько – в «раллер», кубик «синдина», наны – и твои возможности достигают уровня великих. Ломай самые защищенные серверы, извлекай на свет грязные делишки корпораций, становись героем... Не ломают. Не извлекают. Не становятся. То есть ломают, конечно, но все больше для пропитания. Подвигам же не стало. Ни один нынешний взлом нельзя поставить в ряд с деяниями легендарных ломщиков. Уж не потому ли, что все громкие свершения – результат конкурентных войн? Что корпорации обеспечивали великих необходимой поддержкой, натравливая их на своих врагов? А теперь, поняв угрозу такой политики, стали договариваться, а не воевать?

А заполучившие невиданные возможности ломщики тупеют, пересказывая друг другу чужие подвиги. Привыкают хулиганить. Не продумывают свои операции, как бывало прежде, а нагло крушат все, что попадется под руку.

Сеют хаос.

– Скучаешь?

Шмейхель видел приближающегося мужчину, знал, что тот идет к нему, однако вида не подал. Прикинулся задумавшимся и даже вздрогнул, услышав вопрос.

– Что?

– Ты – Шмейхель?

– Да.

– Алоиз Хан. – Мужчина опустился за столик. – Рад знакомству.

– Гм... наверное, я тоже.

– Еще не уверен?

– Посмотрим, во что оно выльется.

– Осторожен?

– Не без этого.

– Ну и правильно.

Шмейхель сделал глоток пива – машинисты особенно ценили «Весельную лодку» за то, что в ней подавали любые напитки, вплоть до абсента, – и без всякого стеснения оглядел собеседника.

Алоиз не походил на жителя Баварского султаната: прямые светлые волосы, серо-голубые глаза, волевой подбородок с маленькой ямочкой. Впрочем, рыжая шевелюра самого Шмейхеля тоже не имела ничего общего со смолистой порослью чистокровных подданных Махмуда V. Белая кожа и европеоидные черты сближали мужчин, а вот манерой держаться и одеваться они совсем не походили друг на друга. Шмейхель старался казаться натурой утонченной до аристократичности – шелковая сорочка, дорогой костюм и туфли из настоящей кожи. Жесты небрежные, расслабленные, некоторые могли бы назвать их томными. Брутальный Хан на его фоне выглядел примитивно: штаны из прочнейшей кевлайкры, черная футболка, короткая куртка «под кожу» и крепкие башмаки, а уж манеры...

– Я тоже осторожен, поэтому и жив до сих пор. – Алоиз взял из тарелки Шмейхеля колбаску, макнул в горчицу и откусил.

– Но иногда приходится рисковать, – обронил Шмейхель. – Чтобы не просто жить, а жить хорошо.

Замечание вызвало у Хана ухмылку:

– Возможно, я забегаю вперед, но ты, парень, мне нравишься. Ты не дурак.

Колбаску он доел, облизал испачканные жиром пальцы и сделал несколько больших глотков пива из принесенной официантом кружки.

– Еще раз спасибо, – вежливо отозвался Шмейхель. – Вас тоже рекомендовали как человека весьма не глупого. И сильного.

– Тебе нужен именно такой.

– Да.

– Я не спрашивал. – Алоиз отставил пиво, оглядел облизанные пальцы, остался недоволен увиденным и принялся насухо вытирать их салфеткой. – Поговорим о деле?

– Поговорим.

Алоиз Хан был человеком известным. Он руководил небольшим, плотно спаянным отрядом ветеранов Иностранного легиона, готовых открутить голову кому угодно – платили бы деньги. Делишки свои Хан предпочитал проворачивать за пределами Исламского Союза, а потому часто уезжал «в командировки», порой отсутствуя в султанате по несколько месяцев. Неудобно, разумеется, зато у Европола никаких претензий. Однако теперь, похоже, перелетная жизнь Алоизу надоела, и он озаботился поисками достойного занятия поближе к дому.

Шмейхель же вынырнул из недр государственного научного комплекса имени Фадха аль-Джохара – одного из трех крупных научных центров Исламского Союза. Когда-то рыжий работал в нем машинистом, потом ушел на вольные хлеба, продолжая регулярно навещать комплекс в роли научного консультанта. Официально. А неофициально – обеспечивая запертых в стенах аль-Джохара машинистов «синдином». Однако в последнее время с бизнесом возникли серьезные проблемы: поставщика взял Европол, а руководство центра полностью сменило охрану. Шмейхель попытался наладить контакт с новыми защитниками аль-Джохара, выбрал пару подходящих ребят, но те решили не рисковать и отправили рыжего к Хану – «ему мы доверяем, а тебе – нет».

– Я просил Омара свести меня с тем, у кого есть «синдин».

– У меня будет «синдин».

– Согласитесь, Алоиз, что между «есть» и «будет» пролегает дистанция огромного размера.

– Весь твой размер, Шмейхель, это – я, – хладнокровно ответил Хан. – В новой охране комплекса полно моих камрадов по Иностранному легиону. Мы – друзья. Мы доверяем друг другу. Что это значит, спросишь ты? А значит это, Шмейхель, что без меня ты не сможешь пронести в аль-Джохар даже полдозы «синдина», даже, мать ее, четверть! А если попробуешь – я тебя придавлю.

– Спасибо.

– На здоровье. – Хан хлебнул пива, вытер губы тыльной стороной ладони и дружелюбно продолжил: – Я все понимаю, Шмейхель. Я говорил с Омаром, с другими ребятами и понял, что машинисты тебе верят. Работать с нами они не станут, хотя... если прижмет – станут. Наркоманы непоследовательны в привязанностях, липнут к любому, кто распределяет дозы, но я не хочу рисковать. Я контролирую мышеловку, а ты – мышей. Мы нужны друг другу.

Предложение высказано открытым текстом, вполне в духе ветерана Иностранного легиона, и крыть Шмейхелю нечем. Все правильно, все так: исчезни он с горизонта, приятели его помучаются-помучаются, но рано или поздно примут предложение другого продавца. Наркоманы, шприц им в половые органы, что с них взять?

- Хочешь или нет, но нам придется работать вместе.
- Да уж, нашему знакомству можно только порадоваться.
- Зато мы честны друг с другом.

Шмейхель потянул свое пиво, лениво ткнул вилкой оставшуюся колбаску, после чего, не глядя на собеседника, произнес:

– До того как началась свистопляска с поставщиком и охраной, я подумывал о расширении бизнеса.

– Что ты имеешь в виду?

– Мои клиенты зарабатывают не так много, как бы им хотелось. Им жалко тратить на «синдин» деньги, зато они готовы наладить бартер.

– Какой?

– «Поплавки».

– Опасный товар, – протянул Хан.

– Не менее опасный, чем «синдин».

– Твои ребята делают их в центре? – хмыкнул Алоиз. – Молодцы...

Шмейхель понял, что наемник тратит время, торопливо обдумывая неожиданное предложение.

– Официально считается, что у нас нет оборудования для производства «поплавков».

– А неофициально?

– А еще нам официально запрещено употреблять «синдин».

– Понимаю. – Хан почесал затылок. – Времена, когда «поплавки» стоили миллионы, прошли, теперь их делают едва ли не на каждом углу.

– Ты знаешь, что это не так, – усмехнулся Шмейхель. Он уже понял, что Хан прям, как пулеметный ствол, и тоже решил перейти на «ты». – Делают процессоры не на каждом углу, и цена у них до сих пор привлекательная. Сорок-пятьдесят тысяч юаней за чип – вполне нормальные деньги, учитывая норму прибыли, которую ты будешь иметь.

– Норма прибыли будет невысокой. Я не собираюсь выходить на конечных пользователей.

– Почему?

– Потому что за «синдин» меня убьют сразу, а за «поплавки» будут долго мучить, требуя доказать, что я не связан с Сорок Два, – рассудительно объяснил Хан. – Наркотики – это риск, «синдин» – двойной риск, но «поплавки» – это уже политика. Мои люди не захотят связываться с террористами.

– При чем здесь террористы?

– Укоренившееся понятие. Во всех средствах массовой информации Сорок Два намертво связан с террором. А мои люди – нормальные обыватели и не хотят лишних проблем.

На первый взгляд могло показаться, что Алоиз отказывается, однако Шмейхель прекрасно понял смысл выступления: жадный наемник интересовался нормой прибыли.

– Насколько я понимаю, твои люди с пониманием отнесутся к любому занятию, если применить доходчивые стимулирующие средства.

– Почем ты сможешь отдавать процессоры?

– По двадцать.

– Не меньше десяти штук в неделю, – быстро ответил Алоиз. Судя по всему, он уже успел просчитать приемлемый оборот.

– Я знал, что мы договоримся, – улыбнулся Шмейхель.

– Тебе следует работать биржевым предсказателем.

Хан сделал движение правой рукой, словно начал ее протягивать, но тут же убрал, услышав слова собеседника:

– Остался последний вопрос, который мы должны проработать прежде, чем пожмем друг другу руки.

– Я слушаю, – насторожился наемник.

– Я хочу присутствовать на переговорах с поставщиком «синдина».

Алоиз откинулся на спинку стула и прищурился:

– Зачем?

Серо-голубые глаза стали холодными-холодными. Предложение, мягко говоря, не вызвало понимания.

– Времена сейчас трудные, – спокойно объяснил Шмейхель. – Я потерял поставщика и оказался в дурацком положении. Я не хочу повторения ситуации. Ты серьезный человек и занимаешься опасным делом, ты должен понимать, что у тебя могут случиться крупные неприятности, и я не хочу, чтобы твои неприятности разрушили мой бизнес.

– Звучит разумно, – после короткой паузы признал Хан.

– Спасибо.

– Но...

– Ты контролируешь охрану комплекса, я не смогу тебя кинуть при всем желании, – напомнил Шмейхель. – Почему бы тебе не проявить чуть-чуть доверия, партнер?

– Доверия... – Алоиз жестко усмехнулся, несколько секунд, не мигая, смотрел на Шмейхеля, но все-таки согласился: – Ты получишь свое доверие, партнер, много доверия. Но, не дай бог, ты его не оправдаешь.

– За меня тебе краснеть не придется, – пообещал Шмейхель.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Сити

«Пирамидом»

Скелетам нравится выглядывать из шкафа

– Шестнадцать убитых! Три десятка раненых! Двое умерли в госпитале! – Мишенька яростно посмотрел на притихших офицеров. – Это натворил один-единственный мерзавец с «поплавком» в башке. – Пауза. – Почему мы его не поймали?

Щеглову редко, очень и очень редко отказывала обычная невозмутимость. Должно было произойти нечто действительно неординарное, выходящее за рамки, что-нибудь вроде бойни, случившейся на границе Сити и Болота. Жестокий расстрел невинных граждан взбудоражил общество. Все, абсолютно все: и каперы, и обитатели трущоб, почувствовали себя незащищенными. Как можно спать спокойно, если обколотый «синдином» псих способен заполучить контроль над мощным оружием? Все требовали действий. Каких? Они не знали и даже не задумывались над этим вопросом. Есть люди, которым платят, – есть СБА, вот пусть они и думают. Верните нам безопасность!

Утром Кауфман выступил с обращением, пообещав «впредь не допустить». Общество притихло – Мертвому верили. Шум пошел на спад. Мишеньке же, судя по всему, и было велено «не допускать». Вот он и злился, потому что предотвратить подобные случаи можно только одним способом...

– «Ревуны» стационарных постов отключены. То есть до тех пор, пока наше продвинутое Управление коммуникаций не отыщет способ надежно защитить оружие от тритонов Сорок Два, безы останутся без самого мощного прикрытия. – Возглавляющий Управление Сергей Строганов уныло кивнул. – А если не отыщут, нам придется демонтировать автоматическое оружие.

Среди офицеров прокатился недовольный гул. Помимо связистов и дознавателей в совещании принимали участие представители Управления общественной безопасности – идея Щеглова им весьма не понравилась.

– Что будем делать в случае бунта?

– Ручным оружием не удержим.

– В чем смысл демонтажа?

– Вытащить один блок и сунуть в сейф! А в случае опасности...

– Кто поручится, что в случае опасности «ревуны» будут стрелять по бунтовщикам, а не в безов? – жестко поинтересовался Мишенька. – Вы думаете, что тритоны не примут участия в массовых беспорядках? Примут. В первых рядах пойдут. И кто гарантирует, что мы удержим под контролем собственное оружие?

– Черт!

– Кто гарантирует?

Взгляды офицеров обратились на Строганова.

– Мы работаем над усовершенствованием защиты, – пробубнил Сергей. – Еще дней пять, максимум – неделя, и программы будут готовы. Но в системы придется ставить «поплавки».

Предложение дорогое, но, похоже, другого выхода не оставалось.

Безопасники заметно расслабились: обстановка в Анклаве спокойная, неделю можно посидеть и без тяжелых «ревунов».

– А что будем делать с п-вирусом? – осведомился Мишенька.

– Мы в тупике, – развел руками Строганов.

Собственно, как и весь мир. «Поплавки» стали невидимыми, а значит, тритоны могут пройти куда угодно. Влезть в любую сеть. Сдерживать их можно только с помощью тех же сверхмощных процессоров – «поплавков». Их производят все больше, соответственно, их чаще воруют. Они попадают на «черный» рынок и оказываются в головах уличных бандитов. Замкнутый круг.

– Мои ребята день и ночь чистят наноскопы. Собственно, только этим и занимаемся.

Программисты пытаются найти противоядие, пытаются хотя бы научиться маркировать вирус, чтобы видеть, что наноскоп сдох, но тщетно.

– Против п-вируса мы бессильны.

Пауза.

– Таким образом, господа, легко в ближайшее время не будет, – подытожил Щеглов. – Но общество требует действий, и мы должны действовать. – Тон стал жестким. – Дознавателям отработать связи устроивших бойню ублюдков. Затем спецназ проведет рейды. Жесткие рейды. Все понятно?

Квадратные стекла очков холодно блеснули. Тяжелый взгляд, твердо сжатые губы, тон... На мгновение офицерам показалось, что перед ними стоит сам Кауфман.

– Да.

– Да.

– Я хочу, чтобы уже завтра вечером вы пустили кровь. Нам нужны положительные заголовки новостей.

Формально Щеглов оставался главой Управления дознаний, однако теперь он являлся еще и первым заместителем Мертвого, а потому имел право отдавать распоряжения начальникам других Управлений.

– Послезавтра утром отчет будет принимать доктор Кауфман. Совещание окончено.

Раньше Щеглов занялся бы проблемой лично: отыскал тех, кто продал ублюдку «поплавков», и устроил показательную порку. Однако теперь времени на рутину не оставалось: все силы Мишенька отдавал созданному внутри Управления дознаний центру, который фактически являлся контрразведкой Станции. Вся мощь созданного Кауфманом и Щегловым аппарата

работала на обеспечение безопасности далекого северного строительства. Вся сеть агентов и осведомителей, которой москвичи многие годы опутывали земной шар, вынюхивала и высматривала любую угрожающую Станции опасность. Секретные сотрудники работали в государственных учреждениях, в поселениях вокруг Станции, в Кайфограде, на самой Станции и даже среди офицеров Слоновски. Мишенька верил Грегу как себе, но терять контроль над происходящим не собирался. Как он однажды выразился: «Только чтение перекрестных доносов позволяет правильно понять происходящее, не покидая кабинет».

– Поговорим?

Строганов даже со стула не поднимался, кивнул своим связистам: «Идите», а сам остался. Ожидаемо.

– Поговорим. – Щеглов демонстративно покинул кресло во главе стола и расположился напротив Сергея. – Оружие защитишь?

– Гарантирую.

– Вот и хорошо. – Чрезмерно давить на связиста Мишенька не собирался. – Все знают, что у тебя получится: и я, и доктор Кауфман. А за вирус к тебе претензий нет, эта дрянь весь шарик на уши поставила.

– Как раз о нем я и хотел поговорить.

– Есть подвижки в противоядии? – быстро спросил Щеглов.

– Нет.

– Тогда что?

Строганов посмотрел в холодные, как сталь, глаза Мишеньки, прищурился и криво улыбнулся:

– Я уверен, что подвижек не будет.

– С π -вирусом борются лучшие программисты планеты, – напомнил Щеглов. – Тысячи фанатиков и сотни групп, которые работают в тесном взаимодействии. Корпорации понимают опасность вируса и взялись за него по-настоящему.

– Они уже должны были его победить.

– Сорок Два постоянно обновляет свою отраву.

– Нет, – качнул головой Строганов.

Он был похож на школьника, осмеливающегося спорить с директором, но не отступал, гнул свою линию.

– Ну, я не знаю, как это у вас правильно называется, – улыбнулся Щеглов. – Пусть не обновляет, а, к примеру, апгрейдит.

– Дело не в терминах. – Строганов потер ладони, замер, сжав их вместе, негромко продолжил: – Я много времени уделил π -вирусу. И не только как начальник Управления коммуникаций.

– Я помню, что ты отличный программист.

Один из лучших. Собственно, Мертвый всегда делал ставку на профессионалов. Строганов блестяще окончил Университет, прекрасно зарекомендовал себя в «Науком» и получил весьма лестное и очень щедрое предложение от Кауфмана. Сергей сразу пришел на пост начальника Управления – редчайший для СБА случай.

– Я разобрал π -вирус настолько, насколько смог. Некоторые его элементы вызывают у меня недоумение, некоторые – зависть. Но вот что я хотел сказать... – Строганов вздохнул: – У меня есть ощущение, что π -вирус – самообучающаяся программа.

– Искусственный интеллект?

– В том смысле, который мы вкладываем в это понятие, – нет. Но на своем уровне – да. Вирус очень компактный, но при этом – очень умный. Он поражает только наноскопы и уклоняется от всех ловушек. Я думаю, что при появлении новых охотничьих программ π -вирус не обновляется, а мутирует.

- Доказательства?
- Я не настолько хорошо в нем разобрался. Есть только ощущения.
- Дела... – Мишенька поднялся и прошелся по комнате. Остановился перед выключенным коммуникатором и хмыкнул: – То есть мы обречены жить с л-вирусом вечно?
- Получается.
- А можно создать самообучающийся антивирус?
- Тот, кто его придумает, станет миллионером.
- Миллиардером, – машинально поправил Строганова Щеглов. – За голову л-вируса СБА предлагает миллиард.
- Гении нечасто работают за деньги, – обронил Сергей.
- И если бы начальник Управления коммуникаций смотрел в этот момент на Мишеньку, то наверняка заметил бы холодный огонек, блеснувший в глазах первого заместителя Кауфмана.
- Что ты имеешь в виду?
- Голос Щеглова остался спокоен.
- Вирус написал гений.
- Уверен, Сорок Два с тобой согласится.
- Нет, не согласится... – Строганов помялся. – Понимаешь, занимаясь л-вирусом, я провел серьезный анализ других программ Сорок Два. Не только современных. Я начал с тех, что он писал раньше, я изучал программы, которые гарантировано принадлежат Сорок Два, я пытался понять его и обнаружил... – Вот теперь Сергей посмотрел на Щеглова: – Смеяться не будешь?
- Ты – наш лучший машинист, – предельно серьезно ответил Мишенька. – Ты разбираешься в сети лучше, чем кто-либо в Анклаве. Я доверяю твоему мнению и, разумеется, не стану его высмеивать. У меня образования не хватит.
- Дело вот в чем... – Похоже, Строганову удалось справиться со смущением, он начал говорить быстрее и увереннее: – Современные программы очень сложны. В них много элементов, которые нужно связать оптимальным образом.
- Это я понимаю.
- Но элементов много, а потому способов связать их – еще больше.
- Даже оптимально?
- Да, даже оптимально. Идеал недостижим, одна связка улучшает одни параметры, другая – другие. В общем, это не важно. Важно то, что можно говорить о почерке автора программы. Как он обходит трудные места. Не на какой параметр ориентируется, а как он добывается нужного результата. Как он связывает элементы.
- Фирменные приемы?
- Вроде того. Я проанализировал работы, что Сорок Два распространяет в сети, и уловил некоторые характерные черты, которые позволяют говорить... или предполагать, что... – Сергей вновь сбился. – Одним словом, есть ощущение, что...
- Что программы написаны одним человеком? – помог Строганов Мишенька.
- Только самые сложные из них. И вирус, разумеется. Самые сложные программы три-тонов написаны одним и тем же человеком, с очень характерным почерком.
- Мы знаем, что Сорок Два отличный машинист. В чем проблема?
- В том, что программы писал не Сорок Два.
- Не понял. – Щеглов ошарашенно посмотрел на связиста.
- Что тут можно не понять? – Выпалив свое главное подозрение, Строганов окончательно успокоился. – Я сравнил нынешние программы со старыми разработками Сорок Два и не увидел общих черт. Прежние программы Сорок Два хороши, но не дотягивают до грани гениальности. А л-вирус шагнул за нее. И некоторые другие программы – тоже. Я считаю, что Сорок

Два не имеет отношения к их написанию. Это не его стиль, не его почерк, не его, черт побери, уровень!

– Сорок Два изменился, – возразил пришедший в себя Щеглов. – Ты правильно сказал: раньше он был обычным нейкистом, а теперь этот урод – чертов пророк. В конце концов, он придумал троицу!

– Среди тех программ, что появляются сейчас, есть его работы, – твердо произнес Строганов. – Я могу их назвать. Я их вижу. Но π -вирус писал не Сорок Два!

– Пусть так, – подумав, согласился Мишенька. – Значит, наш приятель-террорист завел толкового и не амбициозного помощника. Тот создает гениальные программы, а Сорок Два выдает их за свои.

Сергей нервно дернул плечом. Судя по всему, он собирался сказать нечто столь же неожиданное, что и пару минут назад.

«Нет, – поправил себя Щеглов. – Нечто еще более странное. Нечто такое, во что ему самому верится с большим трудом».

– Я понимаю, что говорю о вещах, которые трудно, практически невозможно доказать, – медленно протянул Строганов. – Авторство компьютерной программы... Цифровой почерк... Но я почти уверен, что основные программы Сорок Два, а главное – π -вирус, написаны Чайкой.

У Мишеньки хватило самообладания не сопроводить услышанное удивленным возгласом.

Он снял очки, неторопливо протер линзы извлеченной из кармана салфеткой, водрузил очки на место и тихо произнес:

– Чайка погиб.

– Я знаю, – кивнул Строганов. – Но я говорю как человек, проанализировавший программы Сорок Два и Чайки. И готов поставить на кон свою репутацию: π -вирус написал Чайка.

* * *

Территория: Африка

Горнодобывающий полигон «Всемирной рудной компании»

Кодовое обозначение – «Африка»

Если вдуматься, преисподняя – тоже пригодное для обитания место

Гром?

Нет.

Барабаны?

Нет.

Тогда что?

«Дерьмо – вот что! Самое настоящее дерьмо».

– Подъем, придурки! Хватит яйца массировать, работать пора! Подъем!

Офицер Ушенко презирал сирену или свисток. Палка – вот главное орудие надзирателя. В пять утра начинал долбить по решеткам камер, вызывая невероятный, бьющий по самому мозгу грохот, к которому Илья так и не смог привыкнуть.

– Шевелите задницами, шлюхи! Быстро! Быстро!

«Дерьмо!»

Плохо, когда день начинается с такой мысли. Но что делать, если мысль эта правильная – впереди еще один дерьмовый день.

– Быстрее, подонки! Или кто-то хочет в карцер?

Нет уж, лучше жить в камере. Три на три метра, двухъярусные нары, толчок и грязная раковина. Из крана течет вечно ржавая вода.

Африка, мать ее.
Дерьмо!

Едва услышал грохот, нужно вскочить и метнуться в «санитарный угол», демонстрируя, что не терпится отлить, дабы быстрее приступить к работе. Сегодня к толчку первым успел Араб, поэтому пришлось чистить зубы. Таковы правила: время попусту не тратить, пока один облегчается, второй умывается. Если офицер Ушенко заметит, что ты брезгуешь полоскать рот под пердеж соседа, карцера не избежать.

– Кто там еще спит? Подъем!

Вместо зеркала – намертво вмурованный в стену кусок полированного металла. Изображение хреновое, бриться приходится на ощупь, зато отчетливо виден вытатуированный на лбу номер: «0286». Африканский, мать его, ценник.

Дерьмо!

В обычных тюрьмах заключенным вставляли местные чипы, за перемещением и поведением следили с помощью компьютера, а вот в Африке такой ерундой не заморачивались. Чипов нет никаких, вместо них в «гнезде» заглушка, а на лбу – номер. И на бритом затылке номер, чтобы господа надзиратели узнавали заключенного со спины, а еще на груди, руках и ногах. Илья не удержался, спросил – зачем? К его удивлению, татуировщик ответил:

«После бунтов не всех заключенных находят целыми. А быть правильно опознанным и похороненным под своим именем – твое законное право».

«А как же анализ ДНК?»

«Да кому вы нах нужны с вашей дээнкой возиться?»

Африка, мать ее перемать, Африка!

– Эй, педики, хватит ласкать друг дружку. Строиться!

Решетки съехали вправо, и одинаковые, как клонированные мыши, заключенные торопливо соорудили в коридоре шеренгу.

– Улыбайтесь, шлюхи, улыбайтесь! Терпеть не могу видеть по утрам кислые рожи.

Офицер Ушенко прошелся вдоль строя.

– Похоже, жена ему опять не дала, – едва слышно прошелестел Араб.

Но недостаточно тихо.

– Я что, разрешал открывать пасть?

– Никак нет!

Поздно. Дубинка влетела в зубы, аккуратно в открытый рот. Следующий удар – в живот. Араб повалился на пол. Ушенко добавил дважды по спине, после чего перевел взгляд на Илью.

– Чего трясешься, урод?

– От страха, господин офицер Ушенко, – заученно отрапортовал Илья.

Любой другой ответ отправил бы его в лазарет.

– Оттащишь придурка к врачу, – распорядился надзиратель. – Остальные – налево и жрать.

Заключенные повернулись и, переступая через Араба, двинули в столовую.

Африка, мать ее.

Дерьмо!

Это Африка. Не та Африка, которая континент, и не та, что красуется на постерах знаменитой поп-группы из Анклава Кейптаун. Это – Африка, сленговое название самой страшной тюрьмы планеты, кошмарный сон всех преступников. Официально тюрьма называлась иначе: «Исправительное учреждение № 123 центрального филиала СБА. Арендодатель – „Всемирная рудная компания“». Красиво? Не то слово как. Самые современные способы охраны и самые примитивные работы. Каторга, где все оставалось таким же, как и сотни лет назад. Камено-

ломни. Это – Африка. Она создана не для того, чтобы перевоспитывать, а чтобы убивать. Она задумывалась как самое жуткое место Земли, и она таким стала.

Это – Африка.

Отсюда не возвращались. Нет, не так: возвращались, конечно. Отмотавшие срок «счастливики» инвалидами уезжали в родные пенаты. Без надежд, без будущего, без настоящего. У тех, кто прошел Африку, сил оставалось только на то, чтобы нищенствовать.

– Как Араб? – осведомился Пьеро.

– Неделя, – коротко ответил Илья.

Сотрясение мозга, сломаны два ребра, и это – не считая выбитых зубов. Офицер Ушенко гордился тем, что обращается с дубинкой гораздо лучше другого заместителя директора – офицера Тэтчер. Их негласное состязание отправило в лазарет не один десяток заключенных.

– Легко отделался, – авторитетно заявил Апельсин.

– Угу.

Когда-то Илья относился к избиениям соседей по камере философски и даже с облегчением: хорошо, что его, а не меня. Исчез на неделю – отлично, никто не портит воздух и не храпит. Теперь же молодой человек все чаще испытывал глухую злобу, ненависть к тем, кто может безнаказанно ударить и даже – убить. Каждую выходку Ушенко Илья воспринимал как личное оскорбление. Вот и думай: то ли изменился, то ли инстинкт самосохранения начал отказывать. Неизвестно еще, что хуже.

– Смотри, как Пилсуцки на тебя таращится.

– Да и хрен с ним.

– Его хрен всегда с ним.

– Вот пусть его и поглаживает.

Единственное преимущество Африки перед другими тюрьмами заключалось в раздельном «проживании». Бандиты обитали в одном блоке, мошенники и воры – в другом, ломщики – в третьем. Виделись только в столовой, однако и в ней столы разделялись решетками.

Африка, она для каждого своя, мать ее.

– Говорят, Пилсуцки обещал до тебя добраться.

– Неужели?

– Ага.

– Занятно.

Илья повернулся и сразу же уперся взглядом в маленькие глазки Пилсуцки. Тупой громила, загремевший в Африку за шесть убийств (только доказанные случаи), вбил себе в голову, что в тюрьме тайно изготавливают «синдин». Илью же он почитал за главного химика и давно обещал «размять ему задницу».

– Чего смотришь?

Пилсуцки ощерился и смял ложку, демонстрируя, как он поступит с наглым щенком. В ответ увидел выставленный средний палец.

Вот и пообщались.

После завтрака вновь построение в шеренгу, пересчет – вдруг, кто кашей подавился да лежит под столом с заточкой в пузе? – и поход на работу. В длинный двухэтажный барак, что позади административного здания, аккуратно у стены. Широкий коридор, налево-направо двери комнат. Обычные двери, не решетки, только окошки для надзирателей.

– 0286!

Нужно остановиться, повернуться и упереться лбом в стену. Дождаться лязга ключей и скрипа.

– Вперед!

Комната больше камеры – четыре метра на пять. Стол, удобное кресло, мощный коммуникатор и много-много электронного барахла.

За спиной скрипит закрывающаяся дверь.

«Ну вот, Чайка, ты и дома».

* * *

Анклава: Москва

Территория: Болото

Клуб «Стоп-кран»

Смех, сюрпризы, разговоры и снова смех

– За Пэт!

– За бакалавра Пэт!

– За магистра!

– А я думал...

– Пей и ни о чем не думай!

Шум, гам, радостные вопли, музыка, тосты...

«Стоп-кран» считался одним из самых респектабельных и безопасных клубов Болота и, соответственно, самым дорогим. Правда, сторонники «Девяток» утверждали, что платят за дзен-коктейль на три юаня больше, чем в «Стопе», однако верилось в их рассказы с трудом – куда уж дороже? К тому же подавать дзен-коктейли еще не начали – вечеринку открыли шампанским. Бутылки повсюду, льда навалом, а главное – никаких посторонних. Респектабельный клуб захвачен молодежью: студентами и бывшими студентами, байкерами и шалопаями, всеми, кто был рядом с Пэт три последних года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.